

12+

Чёрный кот

Мина Уэно

КОГДА
ФАНТАЗИИ
ТЕСНО

Мина Уэно
Чёрный кот

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Уэно М.

Чёрный кот / М. Уэно — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-99268-9

Что если всё не то, чем кажется? На пороге выпускного Арсению хотелось бы думать о простом: как сдать экзамены, куда поступить и в кого он всё-таки влюблён. Но вместо этого приходится иметь дело с запутанными снами и экстравагантными персонажами, а все дороги неизбежно приводят в Город, где никогда не восходит солнце. Это история-головоломка про то, что порой не замечать очевидное - очень даже выход. Вопрос лишь в том, куда именно.

ISBN 978-5-532-99268-9

© Уэно М., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть I. Виктор	5
Пролог	5
Глава 1. Новенькие	6
Глава 2. Внезапные знакомства	14
Глава 3. Напасти	21
Глава 4. Последний бал	27
Глава 5. Хозяин и его Тень	35
Глава 6. Тот, кто смотрит из темноты	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мина Уэно

Чёрный кот

Часть I. Виктор

Пролог

Спящий город безмятежен. Темнота царит над ним, и каменные дома хранят молчание. Шумят лишь деревья, время от времени соглашаясь в чём-то с раскачивающим их ветром.

Никто не слышит ни нежный перезвон, ни лёгкую барабанную дробь, ни тоненький поющий голосок. Только тени, чернее чёрного, замерли в ожидании, и иногда кошачий силуэт, выгнув спину и подняв хвост трубой, мелькнёт в просвете между домами или на крыше.

Высоко-высоко мерцают звёзды, но и они почти не видны, даже если поднять лицо к чернильному небу.

Звёзды способны пронести сквозь время. Их свет – лишь слабый отголосок давно минувших лет.

Цепкий взор, несомненно, различит каменный мост – старинная кладка. Где-то внизу слышен тихий плеск воды о камень, свет луны скользит по водной глади.

Ни души.

Единственная фигура – чёрный силуэт, видение из прошлого, – он замер в нерешительности. Кругом всё так спокойно, умиротворённо. Ласковый ветер треплет тёмные кудри, гладит лицо, шею. Но прозрачные как лёд голубые глаза обращены к воде – та сулит прохладу.

Тело бросает в дрожь.

Он переставляет непослушные ноги, хватается за перила непослушными руками. Стоя на самом краю, пытается разжать окаменевшие в мгновение пальцы. Он оглядывается в последний раз, но обнаруживает со вздохом облегчения и уколом разочарования, что вокруг по-прежнему никого.

Никого.

Глубокий вдох, а затем...

– Знаешь, со стороны ты выглядишь не так трагично, как тебе, должно быть, представляется, – насмешливо произносит бесплотный голос.

Человек на мосту оборачивается. Кругом темно, но он различает неясные очертания высокой фигуры. Неизвестно, игра ли это его воображения или реальный человек – прохожий, волею случая оказавшийся в этом безлюдном месте в поздний час.

– Мне нужен художник. Я высоко ценю талант и заплачу за него выгодную цену. Неразумно сбрасываться с моста, отказываясь от такого предложения.

Он замирает в раздумье. Должно быть, он бредит. Ведь это просто невозможно...

Он хочет ответить, но в горле пересохло, язык прилип к небу. Пытается развернуться и перелезть обратно через перила, но поскользывается и срывается, успевая ухватиться за каменный выступ.

Фигура приближается и протягивает руку. Черт лица по-прежнему невозможно различить, но вблизи видно, каким огнем горят глаза спасителя.

– Холсты, краски – всё за мой счёт.

И он хватается за эту руку.

Глава 1. Новенькие

Было ли поначалу это утро сколько-нибудь интересным?

Нет.

Арсений бездумно раскачивался на стуле. Он пришёл на занятия слишком рано. Кроме него в классе была только пара человек. Никаких домашних заданий, которые нужно было бы повторять перед уроком, ведь на дворе стояло всего лишь второе сентября.

Одиннадцатый класс.

Вчера в школе царил праздник, и даже дождливая погода его не испортила. Они все встретились после лета – загорелые, подросшие, одетые в чёрное и белое, кто с новой причёской, а кто – с новым увлечением. И почти каждый – с букетом цветов. Их радостно встречали учителя. Надо признаться, после долгих каникул ученики тоже были им рады.

Теперь в школе не осталось никого старше.

Арсений помнил, как вчера в актовом зале вошли первоклашки. Такие маленькие... Ему с трудом верилось, что он был таким же, когда пошел в первый класс. Они выглядели испуганными и смущёнными, а старшеклассники приветствовали их громкими аплодисментами.

А потом был короткий концерт. Ничего особенного, но Арсению запомнилась одна песня – её звонко пела незнакомая ему девчонка, – и он до сих пор про себя напевал две запомнившиеся ему строчки.

После праздничной линейки их компания недолго покружила по городу, после чего ввалилась в дешёвое кафе, где они и просидели до самого вечера.

Со вчерашнего дня в погоде не наметилось перемен: туман льнул к окнам, деревья стояли ещё зелёные, лишь слегка тронутые увяданием, а небо так и было затянуто серой пеленой.

В кабинете русского языка и литературы гулял сырой сквозняк. Неприятным и неудобным казалось искусственное освещение, и классики хмуро глядели со своих чёрно-белых портретов без рам. Унылые папоротники свесили с горшков ветви – им тоже было грустно. И старый вытертый линолеум местами топорщился.

Накануне вечером Арсений поздно лёг. Ночь была беспокойной, его сны торопились один за другим. А утром встать пришлось рано – он уже и забыл за лето, что уроки начинаются в такую рань. Растеряв остатки тепла по дороге в ванную, он к тому же обнаружил, что краны с горячей водой предательски пусты. Кухня тоже оказалась негостеприимна: мать уже ушла на работу, не оставив ни намека на сытный завтрак, а самому готовить спросонья ему было лень. Он искал спасения в горячем чае, но тот остывал буквально на глазах.

И вот Арсений раскачивался на стуле, взъерошенный и сонный, самому себе напоминающий нахохлившегося голубя на козырьке под крышей.

Ольга ворвалась в класс размашистым шагом и с ходу закинула сумку на место рядом с ним, после чего села сама.

– Привет!

Арсений кивнул в ответ.

– Чего так кисло? – живо поинтересовалась соседка.

– Спать хочу.

Она хмыкнула и принялась раскладывать на парте школьные принадлежности.

– И чем ты вчера таким интересным занимался, что не выспался?

– Читал, – деланно равнодушно бросил он, крутя головой по сторонам и поглядывая, что интересного происходит за другими партами.

Но Ольга в ответ зарычала – Арсений повернулся к ней. Она запрокинула голову и закатала глаза.

– Только не это! Я не затем покупаю сборники кратких пересказов, чтобы ещё и от тебя слушать, да ещё и не по школьной программе. Только не в этом году!

– Я даже ничего тебе ещё не рассказал.

– Но расскажешь, – с уверенностью заключила она.

Арсений поджал губы и потянулся к рюкзаку за тетрадкой с ручкой. Он думал подстеречь ее на уроке биологии, когда всё равно будет тоска смертная, и у Ольги не останется выбора: потому что слушать его пересказы лучше, чем усыпляющий гундэж. Тем более его так и подмывало...

– Посмотрим, что ты скажешь через урок-другой, – философски заметил он, и Ольга не сдержала мрачной улыбки.

Они дружили уже давно, класса, наверное, с пятого, и всегда сидели вместе – рассадить их не удалось ни одному учителю. Арсений не находил её симпатичной: она была очень высокая, с мальчишескими замашками, кучей клетчатых рубашек и рваных джинсов. Он не мог вспомнить, чтобы когда-либо кто-то из класса был в неё влюблён. Парни её не замечали, а из девочек с ней никто близко дружить не рвался.

Кроме всего прочего, Ольге не повезло с родителями. Больше, быть может, никто из класса и не знал, но ему она кое-что рассказывала.

– Как дома дела? – спросил Арсений, пока народ постепенно прибывал.

Ольга дёрнула уголок губ в попытке изобразить беззаботную улыбку – но получилось похоже на судорогу.

– Нормально всё, – ответила она и сразу же сменила тему: – Я ещё расписание переписать не успела. Что у нас сегодня?

– Литература, две алгебры, информатика, история, обществознание и биология.

– Только второе сентября – и уже семь уроков! – простонала она, пододвигая к себе его дневник.

– Зато суббота теперь свободна. Так ведь лучше даже...

Но тут в классе появился Марк.

– Привет! – низкий, басистый голос заставил каждого в классе хоть на мгновение да оглянуться на вошедшего.

В несколько своих широких шагов Марк оказался рядом.

– Привет. – Арсений ухмыльнулся.

Нельзя было не заметить, что его лучший друг раздался в плечах за лето – такую гору попробуй теперь обыграй. Хотя и раньше шансов было не много...

– Вы уже слышали новость? Нам учителя по географии поменяли, – поделился Марк, скидывая рюкзак на парту позади них.

Ольга вскинулась: тяжелая сумка опасно просвистела над её головой, – нахмурилась, но промолчала.

– Откуда знаешь? – повернувшись к нему, спросил Арсений.

– Я в учительскую сейчас заходил, думал физрука найти – ну, по поводу тренировок, – а там новый учитель. И Нелли Михайловна еще говорит: вот, познакомься, мол, ваш теперешний географ.

– Как зовут?

– А-а-а... я не запомнил... Смотри! – Марк развернул рюкзак к нему и показал на большой круглый значок с изображённой на нём касаткой. Арсений ждал, что за этим последует какое-то объяснение, но Марк лишь молча сиял, глядя на него.

– Не понял.

– Касаточка, прикольно же?

Ольга обернулась.

– Это твоей сестры? – спросила она язвительно.

Арсений не сдержал смеха, но Марк был нечувствителен к её колкостям.

– Третьеклашки такие модные нынче. А мы что, хуже?

Радуюсь своей находчивости, Марк наконец-то приземлился на стул, и, казалось бы, он ещё ничего не успел толком сказать, но одним своим присутствием сделал обстановку в классе теплее.

Постепенно кабинет заполнялся. Последним подоспел Игорь – ещё один из их неразлучной тройцы. Он улыбнулся друзьям белоснежной улыбкой на смуглом лице и занял место рядом с Марком. За лето друг сильно загорел, а еще вытянулся, и теперь пытался с максимальным удобством пристроить свои длинные ноги под партой.

Прозвенел звонок. В класс вплыла учительница литературы, кутаясь в серую шаль. Она села за свой стол и откинулась на спинку стула.

– Здравствуйтесь, дети, – проговорила она хрипло. Арсений хорошо знал этот тон: учительница собиралась признаться в очередной болячке. – Прошу сегодня не заставляйте меня повышать голос, я простудила связки. И в случае чего буду просто выгонять нарушителей из класса...

– Итак. – Она обвела присутствующих достаточно бодрым для больной взглядом. – Рада видеть вас всех после летних каникул подросшими и отдохнувшими, а главное, целыми и невредимыми. Как отдохнули?

Этот вопрос породил беседу, перерастающую местами в лёгкий гвалт. Вовлечены оказались все без исключения. Обсуждение заняло целый урок. Однако учительница, видимо, не возражала посвятить первый урок учебного года воспоминаниям о быстротечном лете: она сама говорила больше учеников. Все остались довольны.

Литература задала идеальный настрой всему дню. Алгебра прошла тихо и мирно, на информатике учитель пол-урока пропал на планёрке, на истории знакомились с ещё одной новой учительницей, а обществознание пролетело за пустыми разговорами – им так и не подали команды записывать тему урока.

После шестого урока Марк и Игорь умчались со звонком в сторону столовой, распугивая по дороге младшие классы. Арсений не любил летать по коридорам: это не соответствовало его образу.

– Пошли вместе в столовую? – предложила Ольга, собирая вещи и бросая мимолётные взгляды на девчонок, по двое – по трое покидающих класс. Интересно, а если бы кто-то из них предложил ей пойти с ними, она бы согласилась?

Арсений пожал плечами, не возражая.

Однако в коридоре обнаружился подвох.

– Подождёшь меня около туалета? Я быстро, – поспешно добавила она.

– Будешь долго торчать, и я уйду, – вяло пригрозил он, шаркая вслед за ней, скрывающейся за дверью женского туалета. Ему по-прежнему хотелось спать.

За окном начинал моросить мелкий дождик. Арсений, прислонившись к подоконнику, думал о том, что этим бабьим летом обязательно вытащит друзей в лес, какие бы отговорки они ни придумывали. Или хотя бы в парк.

Ему нравилась, в общем-то, осень, но только в тёплые, погожие дни – когда ярко, прогревая, светило солнце и дышалось легко. А холодные затяжные дожди, сырой воздух и слякоть – не нравились. Это всё было уныло.

Арсений, чувствуя себя глупо, нетерпеливо потопал ногой, потом хлопнул ладонью по подоконнику и повернулся спиной к окну. Ольга как за смертью ушла.

Из туалета выпорхнула группа девчонок. Арсений скосил глаза – соседки среди них не было. При виде него две девочки глупо прыснули от смеха и сразу же отвели взгляды, а третья надменно вздёрнула нос, будто вовсе не заметила.

Арсений отвернулся, скрывая улыбку.

Инна.

В прошлом году они встречались пару недель, а теперь при встрече с ним она всякий раз делает вот так. Как будто нельзя просто сказать друг другу «Привет» или что-то типа того – что за глупости?

В конце концов, когда его терпение готово было лопнуть, показалась Ольга.

– «Я быстро», – передразнил её Арсений. – На обед десять минут осталось.

– Забей! Биология ведь. Ничего страшного, если чуть-чуть и опоздаем. Мы ещё наверняка не одни такие будем. Видел эту?..

– Видел... – Они спустились по ступенькам в столовую, и он присвистнул при виде очереди.

Они пристроились с подносами в конец. Из-за стола Арсению беззаботно помахал Марк.

– Я не могла быстрее, – хмуро заметила Ольга. – Я была нужна там.

Ольга бывала странной, но всё же Арсений не удержался и скривился.

– Нужна где? В туалете?

– Просто не могла пройти мимо. Ты уж извини, но я Инну терпеть не могу. – Арсений пожал равнодушно плечами. – И, похоже, у твоей подружки появился новый объект для насмешек.

– Ага, – протянул он рассеянно, ставя себе на поднос тарелку со вторым – очередь двигалась быстро. Но Ольга, не замечая его безразличия, продолжала:

– Какая-то девчонка – я её раньше не видела. Хотя, может, просто не замечала. Такая неприметная... – Ольга задумчиво осмотрела тарелку с салатом, поставила обратно и взяла другую. – Но милая. А Инна с подружками подкараулили её у умывальников и принялись измываться – они кого угодно до слёз доведут. Не знаю, в чём у них суть конфликта была. Да и был ли он вообще. Я не разбиралась. Но девчонка готова была уже расплакаться...

Истории более «захватывающей» Арсений еще не слышал. Он проводил тоскливым взглядом друзей, покидающих столовую. Однако рассказ требовал завершения.

– Чем ты им пригрозила?

Ольга зарделась от его вопроса, хоть вида не показала, – она гордилась тем, что никого не боялась. Ну, почти никого.

– Сказала Инне, что подкараулю её после школы.

И это не было пустой угрозой.

– И что? – Арсений невозмутимо бросил в чай два кубика сахара. – Она не хочет с тобой встречаться после уроков?

Ольга улыбнулась и покачала головой.

Расплатившись, они нашли свободный столик. Столовая уже наполовину опустела. Остались в основном старшеклассники.

– Пожалуй, я смогу тебя простить, – снисходительно произнёс он.

– Ты уж прости, – сгримасничала Ольга, ставя поднос на стол и закатывая рукава рубашки.

На биологию они и впрямь опоздали.

Учительница – флегматичная женщина в годах, в зелёном шерстяном платье и с ниткой бус из янтаря на дряблой шее, – никак не отреагировала на их опоздание, хотя друзья и изображали искреннее раскаяние, усаживаясь за парту. Она продолжала вещать со своего небольшого возвышения у доски, сцепив руки перед животом.

Через пять минут Арсений почувствовал охватывающую его дремоту. Голос учительницы был чудодейственным снотворным, записи с ним можно было бы выгодно продавать – вот что витало в его затуманенном мозгу.

Оживление и запах табачного дыма в обстановку привнесли вернувшиеся с улицы Марк с Игорем. Они тоже сделали вид, что им стыдно за опоздание, хотя никого этим не обманули, а затем вдоль стеночки пробрались к задним партам, где и собирались пересидеть урок.

– ...А теперь откройте учебники на странице пять, – продолжала бубнить себе под нос учительница. – Прочтите и кратко законспектируйте первую главу. После урока выборочно возьму тетради на проверку... Что, Лена?

– Но мы учебники только завтра получим.

– Хм. Хорошо. У меня есть один учебник. У кого в классе хорошо с дикцией?

– У Кати, – раздалось с нескольких сторон.

В школе Катю не знал, наверное, только самый отсталый от жизни: она выступала на линейках и вела школьные праздники... А также читала всему классу материал, если учебник на занятии был в единственном экземпляре.

Катя вышла из-за парты, одёрнув своё серое строгое платье и расправив по плечам тонкие смоляные косички.

Учительница жестом пригласила девочку за свой стол, положила перед ней книгу, а сама, постояв минут пять у двери и понаблюдав процесс самостоятельной работы, удалилась из класса до конца урока.

По окончании занятий, получив в гардеробе свои куртки, Арсений, Марк и Игорь вышли в холл. Школа к этому времени почти опустела. У младших и средних классов занятия уже закончились – по семь уроков было только у старшекласников.

В холле было немногочисленно: девочки дружно облепили небольшое зеркало, поправляя причёски, что-то увлеченно обсуждала группа ребят из параллельного класса, некоторые изучали расписание, ещё не успевшее стать привычным. Ольга, коротко попрощавшись с Арсением, накинула куртку и вышла на улицу. Марк, дождавшись ещё одного баскетболиста из их класса, Сашу, направился на первую в этом учебном году тренировку в секции.

Арсений с Игорем не торопились расходиться по домам.

– А у нас тренировки только на следующей неделе начинаются. Я уже узнавал, – сообщил Игорь. – Ты ходить будешь?

– Да, конечно.

– А что собираешься сегодня делать? Есть планы?

– Абсолютно никаких.

– Тогда слушай, – с загоревшимися глазами произнёс тот. – Вчера на антресолях в шкафу нашёл коробку со своей старой приставкой. Там картриджи, джойстики – всё работает. Даже пистолет есть. Давай на вечер засядем? Как идея?

– Слушай, классно! – просиял Арсений. День как раз обещал быть пасмурным и скучным.

– Только играем у тебя.

– Почему?

– Если будем у меня, получится не до веселья. Родители опять устроят выволочку. Они всё ждут, когда я уже начну вести себя примерно. От нотаций матери у меня зубы сводит.

Игорь жёстко улыбнулся, и Арсению подумалось, что его родители зря на что-то надеются – уж он-то друга знал.

Он кивнул, застёгивая ветровку, как вдруг до его слуха донеслось:

– Ну и что? Ты нам так и не скажешь, где распродажа самых уродских свитеров?

Затем послышалось хихиканье. Арсений посмотрел в сторону расписания.

– Слушай, – сказал он Игорю. – Ты иди сейчас домой, бери всё – и ко мне. Я просто вспомнил. Я через продуктовый пройду.

– Так я с тобой могу.

– Нет, мне там ходить искать: мама целый список написала... Ты приходи через час.

Игорь пожал плечами – мол, как хочешь – и тоже вышел из школы. А Арсений тем временем отрегулировал ремешок своей сумки, продумывая дальнейшие действия, сунул руки в карманы и двинулся к расписанию. Около него на подоконнике сидели неразлучные двойняшки Рита и Света, а рядом стояла блистательная Инна.

Презрительные взгляды и язвительные насмешки этой компании были адресованы невысокой девчонке с большим рюкзаком за спиной. Она переписывала расписание и упрямо делала вид, что не замечает их внимания.

Арсений решительно подошёл к ней.

– Привет! Я освободился. Ну что, пойдём, провожу тебя, – как можно громче обратился он к незнакомой девочке и лучезарно улыбнулся.

Насмешницы смолкли.

Стоя спиной к Инне и её подружкам, он прямо-таки чувствовал, как его прожигают три пары глаз, и одна – гораздо больше остальных.

Девчонка посмотрела на него; было видно, что она едва сдерживает слёзы. Взгляд у неё был злой и непонимающий. Арсений занервничал – вдруг она примет всё это за ещё одну плохую шутку? – и умоляюще посмотрел на неё, надеясь, что она прочтёт в его взгляде: «Подыграй мне!»

Всё тут же переменялось. Сморгнув, она широко и тепло ему улыбнулась, быстро дописала расписание и убрала дневник в рюкзак.

За спиной у него разливалась зловещая тишина. Тем забавнее была эта выходка, что когда-то они с Инной встречались. Попробует ли она теперь что-нибудь сказать?

Инна безмолвствовала.

Арсений помог девочке надеть куртку, взял её за руку и, подмигнув Инне, вывел из школы.

Когда они отошли от школы метров на сорок, девочка высвободила руку.

– Спасибо, – сказала она, смутившись, а потом добавила: – Можешь больше не идти со мной, я дальше сама.

– Да ладно! – Арсений усмехнулся. Настроение было прекрасным. – Раз уж вызвался, доведу тебя до дому. Ты ведь не против? Ты где живёшь?

– Около детской поликлиники. Дом, где супермаркет на первом этаже.

– А, да, я понял... Так нам всё равно в одну сторону. Я, получается, живу через дорогу от тебя. Я, кстати, Арсений.

– А я Аня.

Что ж, Оля была права: Аня действительно была довольно неприметной. Тонкие пепельно-русые волосы, вьющиеся мелкими кудряшками и создающие пушистый ореол вокруг головы, бледная кожа, светлые глаза – взгляду не за что зацепиться.

Они медленно двинулись прочь с территории школы.

– Ну так, Аня, из какого ты класса? – спросил он, рассеянно гадая: «Из восьмого? Такая коротышка, да ещё лицо незнакомое».

– Я в десятом.

– Не может быть! – удивился Арсений. – Я всех знаю из десятых. Ты новенькая?

– Да. Я первый день здесь. Ну, второй, если считать первое сентября. Летом мы переехали в новую квартиру, и пришлось перевестись в школу поближе к дому. Уж лучше бы в старой осталась и каждый день ездила на другой конец города, но родители не разрешили, – тоскливо закончила она.

Впрочем, её голос не звучал робко или уныло. Напротив, он был звонким и сильным.

– Да брось. Это всё из-за Инны? Она теперь от тебя отстанет. И вообще не обращай на неё внимания. Она издевается над другими только потому, что это единственное, что она умеет делать.

– Ну, и она тоже добавляет мне неприятностей, – согласилась Аня. – Да и вообще, у меня там все друзья остались, и вокальная группа, и...

– О, так ты поёшь? – перебил её Арсений, и тут его осенила догадка. – Так это ты пела вчера на концерте?

Арсений не особо присматривался к выступавшей: их класс сидел в самом конце зала, там же, где и родители школьников.

Аня кивнула.

– Тебе надо с Игорем познакомиться. С моим другом, мы в одном классе. Игорь на школьных концертах обычно исполняет. Здорово поёт.

– Познакомишь меня с ним завтра? – обрадовалась она.

– Конечно. А из какого именно ты класса?

– Из «А».

– Тебя ещё и угораздило в один класс с Инной попасть... А я из одиннадцатого «А».

Они шли по асфальтированной дорожке, сделавшейся от дождя чёрной. На ней уже желтела яркими пятнами первая опавшая листва. Затянулась неловкая пауза.

– У тебя есть братья, сёстры? – спросил Арсений, чтобы не идти в тишине.

– Да, сестра есть. Нина.

– А она тоже теперь в нашей школе?

– Нет. Она меня старше. Теперь на первом курсе института учится. В педагогическом, на факультете прикладного искусства.

– И что они там изучают? – поинтересовался Арсений, лишь бы не молчать.

– Искусство. В общем, они учатся рисовать, как я поняла.

– И что, твоя сестра хорошо рисует?

– По мне, так не очень, – ответила Аня и улыбнулась. – Мрачновато выходит. Она вообще у нас мрачная... Слушай, – она присмотрелась к его глазам. – У тебя с глазами что-то странное. Один голубой, а другой карий. Как у кота.

– Это называется «гетерохромия». Когда глаза разного цвета, – снисходительно пояснил Арсений. На это часто обращали внимание окружающие, и он научился их отваживать.

– Надо же... – изумилась Аня. – А я раньше такое только у кошек видела. Вот у нашего старого кота такие были.

– И у людей бывает, – Арсений пожал плечами.

Ему нравились его разные глаза. С ними он чувствовал себя особенным.

Дождик мелко-мелко моросил, не переставая, небо со всех сторон сделалось серым – ни намёка на просвет. Воздух был сырым и холодным, и изо рта вырывался едва заметный пар. Они дошли, болтая, до пятиэтажного дома, выкрашенного в бледно-жёлтый цвет. Весь первый его этаж занимал большой магазин.

– Вот здесь я живу, – сказала Аня, остановившись. – Спасибо за компанию.

– Да не за что, – ответил Арсений. – Увидимся в школе. До завтра.

– Пока.

Аня пошла к подъезду.

– Знаешь, я лучше завтра утром за тобой зайду, – сказал он ей вслед.

Девочка обернулась.

– Зачем?

– Ну, пусть первое время видят нас вместе. Тогда, я думаю, она от тебя отстанет.

Аня смутилась.

– Знаешь, ты ведь совсем не обязан мне помогать, – быстро проговорила она.

– Конечно, не обязан, но помогу, – Арсений улыбнулся. – Так что встречаемся здесь утром.

Арсений махнул ей рукой на прощанье, развернулся и пошёл. На душе у него было легко и радостно, оттого что он помог этой неприметной девочке.

* * *

Ближе к вечеру дождь усилился. Он настойчиво забарабанил по крышам каменных домов и по ещё зелёным листьям деревьев. Город занавесился прядями дождя и украсился зонтами прохожих. Вечером все спешили по своим домам.

Смеющийся человек бодро вышагивал по улице. Он был одет в алый, расшитый золотыми цветами фрак, длинные полы которого волочились за ним по земле. Под фраком виднелась чёрная футболка – на ней львы, ангелы, орёл – всё уместилось в едва заметный золотой логотип. Поношенные джинсы были заправлены в кожаные сапоги, на которых красным по черному взвивалось вверх пламя. Довершал его одеяние простой чёрный цилиндр.

Под росчерками соболиных бровей как угли горели глаза. Белоснежные зубы беспрестанно обнажались в улыбке. Кожа человека отливала бронзой, а выгоревшие волосы мягкими кольцами спадали на плечи.

Никто не обращал внимания на смеющегося человека, никто его не замечал – а он скользил мимо людей, оставляя за собой незаметный шлейф из сновидений, призрачных грёз и опавших листьев. Земля за его спиной вспыхивала золотыми змейками, которые тотчас растворялись под дождём.

Но вот смеющийся человек замер – улыбка застыла на губах. Словно застигнутый внезапной мыслью, он склонил голову набок, затем поднял её. Принюхался к воздуху. Кто-то прошёл здесь сегодня днем, расплескивая отчаяние и тоску по тротуарам. Кто-то, несущий в себе свою печаль, окрасил это место фиалковым.

Смеющийся человек оскалился в улыбке. Как ему нужен был Белый клоун! И сегодня он его найдет.

Он резко повернул с дороги в сторону, в проулок между домами. Полы фрака взвились за его спиной.

Глава 2. Внезапные знакомства

Ольга прикоснулась к своему плечу.

Болело ужасно. Наверное, на нём разливался огромный синяк.

Как, впрочем, и на другой руке, и на боку. Она выбежала из дома, едва успев увернуться от очередного удара деревянной швабры, которой так ловко этим вечером охаживал её пьяный отец. Добежав до угла дома, она свернула в соседний двор и там схоронилась в кустах сирени, присев на краешек мокрой скамейки.

Теперь она сидела одна в темноте, промокшая до нитки, и ощупывала свои ушибы. Мать осталась дома, но её Ольге не было жаль, ведь она запрещала жаловаться кому-либо, обращаться за помощью.

Звонить в полицию было страшно: вдруг отца не заберут, тогда он точно подожжёт квартиру, как обещался в прошлый раз, когда она закрыла дверь и не пускала его домой. После этого он избил её так, что она месяц прогуливала школу, боясь показаться с опухшим от синяков лицом.

Ольга жалобно всхлипнула. В горле встал ком. Как всегда, её затопило чувство одиночества и безысходности. У неё даже не было друзей, у которых она могла бы сегодня переночевать. Правда, она могла бы пойти к Арсению, но одной мысли о том, что друг увидит её такую жалкую, мокрую, побитую, хватило, чтобы отказаться от этой затеи.

Мокрая одежда, конечно же, не грела. Вскоре она уже дрожала всем телом, не в силах совладать со стучащими от холода зубами. Мысль, что, возможно, она подхватит на этой скамейке воспаление лёгких или ещё что и скоро умрёт, сначала доставила ей мрачное удовольствие, а потом ввергла в тоску, от которой захотелось выть. Ведь всем будет всё равно.

Дождик прибавил. Крупные холодные капли застучали по листьям над её головой, всё чаще попадая и по ней самой.

– Я не помешаю? – спросил молодой мужчина, почти юноша.

Ольга вздрогнула – он появился так неслышно – и молча подвинулась.

– Почему ты сидишь здесь одна? – спросил он, так легко перейдя на «ты», словно был её давним приятелем.

Ольга пожала плечами, не зная, что ответить. Она бросила на него взгляд исподлобья. Час был поздний, в такое время стоит опасаться любых незнакомцев, даже тех, кто симпатичен и говорит располагающим голосом.

– Вот, возьми, – сказал доброжелатель, снимая с себя куртку и предлагая ей.

– Я не мёрзну, – соврала Ольга.

– Я вижу, что мёрзнешь, – настаивал он.

От одной куртки вреда не будет, подумала она и надела её, перед этим сняв свою, промокшую насквозь. От мягкой кожи, ещё хранившей тепло чужого тела, приятно пахло.

Ольга присмотрелась повнимательнее. Незнакомец, одетый в чёрную толстовку, джинсы и кожаные сапоги, высокий, с темными вьющимися волосами, выглядел невероятно круто. Ей внезапно сделалось стыдно за свой жалкий вид.

– Я Дмитрий, – назвался он.

– Дима... – тихо, для себя, повторила Ольга.

Неизвестно из-за чего, но это вдруг рассмешило её нового знакомого.

– Ну да, – сказал он с улыбкой, – всем нравится именно так меня называть.

Ольга так и не поняла, что в этом смешного. Всех Дмитриев обычно зовут Димами.

– Так что с тобой случилось? – по-дружески спросил он.

Ольга отвернулась от него и промолчала. Парни никогда не обращали на неё внимания, то ли из-за того, что она слишком высокая, – в начале средних классов она была на голову

выше одноклассников, именно тогда её начали дразнить, – то ли потому, что она никогда не одевалась как другие девчонки, никогда не была нарядной, не красилась. Даже Арсений видит в ней не больше чем друга. С чего бы этому обращать? Разве что из жалости.

– В семье проблемы, – коротко ответила она.

– Какие проблемы? – не унимался Дима.

Ну почему бы ему не рассказать?

– Отец бьёт.

– Так уйди из дома. – Дима произнес это так, словно дело было пустяковое.

– Куда же я уйду? – растерялась Ольга. – Мне некуда. У меня нет других родственников.

– Тогда убей отца, – выдал Дима ещё одну ошеломляющую идею.

Ольга открыла было рот – хотела возмутиться, но не стала. На самом деле она не раз, сидя в своей комнате и глотая слезы, размышляла о том, как возьмёт на кухне нож, самый острый и заточенный из тех, что у них есть, тихо проберётся в гостиную, где на нерасправленном диване спит в похмельном забытье отец, и покончит со всеми мучениями. Но всякий раз эти мысли пугали её. Она бы никогда не стала...

– А что потом со мной будет?

Дима кивнул, но его губы растянулись в улыбке, будто во всем этом было что-то забавное.

В доме напротив на первом этаже погасили свет. Наверное, было уже поздно.

– Я пойду домой, – произнесла Ольга, возвращая Диме его куртку.

– Давай встретимся завтра, – сказал он вдруг.

– Зачем? – осторожно поинтересовалась она.

– Погуляем, расскажешь о себе, выпьем кофе.

– Я... я не знаю, – растерялась Ольга. – Я... Мне... надо идти.

Она заторопилась домой, чувствуя, как сильно стучит в груди сердце.

– Я буду ждать тебя завтра на этом же месте в семь! – беззаботно крикнул Дима ей вслед.

Ольга пришла домой удачно: отец спал. Она проскользнула в комнату и, раздевшись, залезла под одеяло в холодной кровати.

В квартире было тихо, но по-прежнему гадко. Однако что-то изменилось. Рука и бок до сих пор болели, но, несмотря на это, Ольга ещё никогда не засыпала с таким лёгким сердцем.

* * *

Новость о том, что «тот самый» Арсений встречается с новенькой из десятого «А», облетела школу ещё в тот день, когда пара впервые переступила школьный порог. Аня смущалась, но не показывала виду, Арсений развлекался от души, изредка бросая взгляды в сторону Инны, если та вдруг попадалась им навстречу.

С неделю это известие обсуждалось со всех сторон. Потом интерес поутих, и всего через две недели после памятного дня уже мало кого волновали эти любовные дела.

Сентябрь не радовал теплом и светом. Учебные будни следовали один за другим, и вскоре стало казаться, что лета и не было вовсе.

Арсений не переставал заходить за Аней перед занятиями и провожать после, отчасти потому, что ему нравилось дразнить Инну, а отчасти потому, что с Аней всегда было интересно поболтать и идти им было по пути. Она не возражала.

Как он и обещал, Арсений познакомил её с Игорем. Тот предложил ей приходить на репетиции. Аня с радостью согласилась. К осеннему балу старшеклассников они уже собирались петь дуэтом. Ко всему прочему, у него и Игоря начались тренировки по лёгкой атлетике. Скучать не приходилось.

Дома было беспокойно. Его мать проводила отпуск за бесконечными генеральными уборками, и Арсений считал дни до её отъезда на воды.

Придя пятничным вечером домой после тренировки, Арсений застал её за очередным занятием. Теперь она разбирала шкаф в гостиной: выгребла оттуда все коробки с обувью и теперь с большим размахом проводила ревизию.

– Мам, я дома! – крикнул Арсений из прихожей, сбросив рюкзак и стягивая кеды.

– Привет, дорогой, – рассеянно отозвалась она, не отрываясь от своего занятия.

– Пахнет вкусно. Что на ужин?

– Макароны с сыром. Извини, больше ничего не успела.

– Макароны с сыром – наше всё!

Он устроился обедать прямо в гостиной на диване, пока мать решала, что из обуви выкинуть, а что оставить.

– Надо же, а я про них и забыла, – бормотала она, примерив туфли. – Надену их сегодня. Как тебе?.. Сеня! Я же просила тебя есть на кухне.

– Я хотел посмотреть телевизор.

– Не накапай только, я вчера весь день диван чистила.

– Ага, – рассеянно ответил Арсений, отправляя в рот вилку. Капля подливки изящно слетела с его губ и шмякнулась о подлокотник.

– Ну, так как тебе? – спросила она ещё раз.

С полным ртом Арсений не мог говорить, но показал в знак одобрения большой палец.

– Туфли класс, – сказал через какое-то время, когда мать уже сняла их и аккуратно поставила отдельно от всей остальной обуви. – Куда сегодня собираешься?

– Ну... – она загадочно посмотрела на него и добавила с улыбкой: – У меня сегодня свидание.

– Правда? Поздравляю! А с кем?

– Да ты его не знаешь. Знакомый по работе.

– Он хоть не женат?

– Конечно, нет! – воскликнула мать. – Он разведён. Я его давно знаю – очень приличный мужчина.

– И что? Ваше долгое знакомство делает его приличным мужчиной? – съязвил Арсений.

Мать грустно улыбнулась в ответ. Она медленно подошла к дивану и присела рядом с ним.

– Дорогой мой, я знаю, что предыдущий мой кавалер был не особенно достойным... – тихо и ласково начала она.

– Не особенно достойным! – воскликнул Арсений. – Он ведь даже нигде не работал! И продал наш телевизор!

– Да, я помню. Эту потерю мы долго оплакивали.

– Ты про Леонида или про телевизор?

– Про телевизор, конечно же, – рассмеялась она. – Но ему пришлось вернуть деньги.

– Это только потому, что дядя Вова сходил и поговорил с ним.

– Ну, не без этого, дорогой, не без этого... Так вот, послушай меня, Арсений. Я понимаю, как тебе тяжело пришлось без отца. Поверь, мне тоже было тяжело воспитывать тебя одной... Но я постаралась сделать всё, чтобы ты не чувствовал этого. Но и ты, пожалуйста, пойми меня...

Она, видимо, хотела добавить что-то ещё, но не знала что, и замолчала. Арсений посмотрел в её большие карие глаза, полные печали. В их уголках уже лежали первые морщинки. Ему вдруг стало очень грустно.

– Ну что ты, мам... Я же ничего не говорю против.

– Ты у меня замечательный, – она чмокнула его в лоб, встала и продолжила заниматься своими делами.

– Чем-то помочь?

– Ешь давай.

* * *

За окнами темнело. Арсений сидел в своей комнате. Мать десять минут назад отправилась на свою встречу, а он думал, чем занять себя, но единственное, что ему пока удавалось, – это пялиться в окно. Его клонило в сон, оттого что накануне он уснул только около двух часов ночи, и теперь мысли разбегались при каждой попытке сосредоточиться, как тараканы, застигнутые врасплох внезапно включённым светом. Где-то над всем этим хаосом в голове царила мысль о завтрашней контрольной по алгебре и геометрии, но сейчас она была Арсению меньше всего интересна.

Перед ним на столе лежала старая фотография, на которой молодые женщина и мужчина радостно улыбались фотографу, а круглощёкий годовалый ребёнок задумчиво разглядывал отцовские часы.

Мать говорила, что отец их бросил, а бабушка сказала, что это она от него ушла, – история оставалась неясной. Сколько Арсений ни спрашивал, она никогда ему не рассказывала, что случилось. Но, кроме этой фотографии, у Арсения не осталось воспоминаний, ведь он был еще слишком мал, чтобы запомнить своего отца.

И, в общем-то, ему было всё равно, но временами становилось грустно.

Он закинул ноги на стол и продолжил смотреть в окно. На улице уже зажглись фонари, а он так и не включил свет в комнате, и теперь отлично видел всё, что происходило за окном. Один из фонарей отбрасывал свет на постройки во дворе – низкие кирпичные здания, в которых находились какие-то социальные учреждения неясного для него назначения. На одной из стен тень причудливо изогнулась в виде сидящего чёрного кота с длинной шеей и острыми ушками.

Арсению показалось это забавным. Он улыбнулся своему открытию, как вдруг кот склонил голову, дёрнул ухом и нетерпеливо поводит вокруг себя хвостом, как делают обычно кошки, когда чем-то недовольны.

Арсений вскочил со стула и отпрянул от окна, но когда он снова посмотрел на эту стену, в ней не было ничего необычного. Стена как стена, тень как тень. Наверное, колышущиеся вокруг фонаря деревья создали эту иллюзию и заставили её двигаться.

Арсений включил свет в комнате и, задёрнув шторы, открыл учебник по алгебре.

Ночью подул свежий ветер, несущий в себе морозную прохладу и запах пока ещё далёкого первого снега. Притаившиеся на крышах тени метнулись вслед за ним. Но самая чёрная из них осталась недвижимой.

Ночь расправила крылья и полетела. Зашелестели смоляные перья – воздух струился по их шёлковой поверхности. Крылатая тень скользила по стенам домов.

Голова Арсения беспокойно метнулась на подушке. Сон наполнился размытыми образами тёмных улиц, вымощенных камнем. Все было невероятно большим, а он – очень маленьким, и он быстро-быстро бежал по этим дорогам со всех четырёх лап. Кто-то гнался за ним: его догонял крадущийся в тишине шорох, словно ветер ворошил сухие осенние листья. И никого, кроме него, на этих стёртых из памяти и жизни улицах.

На следующее утро Ольга не появилась в школе. Их классная руководительница – учительница английского языка Нелли Михайловна – сообщила, что звонили родители Ольги, передали, что она заболела. От этого известия у Арсения в душе шевельнулось дурное предчувствие, что болезнь Ольги – совсем не ангина.

Он не в первый раз сталкивался с подобной ситуацией, но не знал, что делать. Как-то раз он хотел всё рассказать Нелли Михайловне, но Ольга со слезами на глазах умоляла этого

не делать и взяла с него клятвенное обещание молчать. И он молчал, от всей души желая Ольгиному отцу скорой и мучительной смерти.

Контрольная по алгебре и геометрии прошла как надо. Правда, Марк и Игорь, севшие позади него, так и не успели всё списать, как он ни старался им помочь. Но им было в самый раз на тройку.

На перемене в левом крыле второго этажа, около кабинета информатики, Арсений встретил Аню. Она беззаботно болтала с одноклассницей и выглядела вполне бодрой. Вообще, с тех пор как у неё в школе появились знакомые и друзья, Аня стала вести себя намного свободнее и увереннее. При более близком знакомстве Арсению открылись её живой ум и хорошее чувство юмора – он был рад, что они дружат.

– Ну что, как начало дня? – поинтересовался он на ходу.

– О-о-о, – простонала Аня, – лучше убей меня, потому что ваша Нелли Михайловна просто кошмар!

– А по мне, так милая женщина, – с улыбкой возразил Арсений.

– Ага, только для своих любимчиков, вроде тебя. Или тех, кто хоть что-то понимает в английском. Но в моей-то старой школе была другая программа, – сказала Аня, сворачивая к кабинету математики.

Арсений усмехнулся тому, что она могла так легко говорить о своих неудачах, и зашел в кабинет информатики по соседству. Он едва успел закинуть сумку на своё рабочее место, как в классе показались друзья, каждую перемену шатавшиеся где-то между первым и вторым этажом.

На уроке Арсений одним ухом слушал учителя, а другим – сбивчивое бормотание Марка про передачу, которую тот смотрел накануне. «Ты знал, что чёрные дыры – это тоже тела? А не видно их потому, что они свет притягивают». Игорь тут же придумал шутку про чёрные дыры, и Марк сконфуженно замолчал. А жаль. Арсению нравился его нескладный рассказ.

После уроков он шёл своим обычным маршрутом домой. Вместе с Аней.

– Так что там у тебя не ладится с английским?

– Вот именно, что ничего не ладится, – скисла Аня. – Вообще ничего не понимаю.

– Помощь нужна?

– А ты хорошо разбираешься?

– Вообще-то, я у Нели любимчик не просто так, – ввернул Арсений. Да, классная выделяла его, но только потому, что он действительно был хорош в английском.

– Было бы здорово, – медленно проговорила Аня. – Но как-то неловко.

– Почему?

– Потому что ты вроде снова мне помогаешь.

– Ну и что? Ты же вроде как моя девушка, помогать тебе – моя прямая обязанность, – и он подмигнул ей – Аня рассмеялась. – Когда у вас следующий урок?

– Завтра уже. Скажи же, дурацкое расписание! Нам нужно устный рассказ подготовить и кучу упражнений из учебника выполнить. Она столько задаёт...

– Так... – Арсений задумался. – Вечером у меня тренировка. Если только сейчас.

– Сейчас так сейчас, – Аня пожала плечами. – Только... Я надеюсь, тебе действительно это нетрудно?

– Ну, я ж сам предложил, верно? Значит, нетрудно.

На самом деле он не планировал подвизаться в репетиторстве, но вот щегольнуть пару раз своими знаниями – это вполне.

– Ко мне пойдём? – уточнила она.

– Пошли, – согласился Арсений.

Анина квартира находилась на четвёртом этаже. На звук открывающейся двери из кухни показалась её мама – невысокая, худенькая женщина в домашнем халате и фартуке, с боль-

шими глазами за стёклами очков. При виде него она приветливо, хоть и немного растерянно улыбнулась.

– Мама, это Арсений. Ну, про которого я тебе рассказывала, – представила его Аня, краснея. – Арсений – моя мама...

– Какой вы приятный молодой человек! Такой высокий, стройный... Вы спортсмен? – И тут же, не дожидаясь ответа, продолжила: – О, у вас очень интересные глаза. Это у вас свои или линзы? Наверное, свои, хотя кто знает, может, сейчас такая мода...

– Мам, это у него на самом деле такой цвет!

– В жизни вы ещё лучше, чем Аня вас описывала!

– Мам, ну хватит! – простонала Аня. – Сеня, пошли.

Она повела его в свою комнату.

– Вы обедать будете? – прокричала мама Ани им вслед и тут же добавила: – Я вам в комнату принесу!

– Хорошо, мам! – крикнула в ответ Аня, побыстрее закрывая за собой дверь своей комнаты.

– У тебя очень дружелюбная мама, – вежливо сказал Арсений, пристроившись на краешек дивана.

– Чересчур дружелюбная, – проворчала она, выкладывая на стол учебники.

Арсений тем временем осматривал комнату. Не очень-то она была похожа на девичью. Он бывал в комнате Инны. Там всё было светлым и в цветах. Цветы на обоях, на одеяле, на шторах. И ещё там были игрушки и разные безделушки, заполнившие полки, ниши в шкафу и стол. А также куча фотографий в рамках.

А здесь – ничего подобного. Комната казалась даже чуточку строгой. В ней было много тёмно-синего, много горшков с растениями и куча занятых вещей.

В углу комнаты он заметил мольберт и разные краски, аккуратно сложенные на табурете рядом, на стене в чехле висела гитара, на стеллажах корешок к корешку ровнёхонько выстроились книги, а на одной из полок сидели три полосатых глиняных кота с нелепо удлинёнными лапами и хвостами. Бок о бок друг с другом, все разные по размеру и цвету, они укоризненно взирали на смотрящего чёрными вылепленными глазами. Было в них что-то завораживающее.

– Знакомись с котами? – поинтересовалась Аня, проследив за его взглядом.

– Да. Выглядят странно.

– Мне их Нина слепила, когда я маленькая была.

– А это только твоя комната?

– Нет, – ответила Аня. – И Нинина тоже.

– Рисует, я так понимаю, она, – сказал Арсений, кивнув на мольберт. – А на гитаре ты играешь?

– А! Только когда папа не видит, – Аня озорно улыбнулась. – Это его гитара, он здорово играет и поёт. А я втихаря достаю её и пытаюсь научиться ставить аккорды.

– И как, хорошо у тебя получается?

– Паршиво получается.

– Но ты ведь сыграешь мне как-нибудь? – не унимался Арсений. Не столько ему хотелось услышать её игру, сколько подзудить.

– Никогда, – честно призналась Аня.

– Да брось!

Но Аня не поддавалась на провокации.

– Ну что? – она разложила учебники и тетради прямо на полу у дивана. – Давай, учи меня.

– Давай.

На Анино домашнее задание у них ушло почти два часа. Она и впрямь ничего не понимала в предмете, так что многое Арсению приходилось объяснять с нуля. Это было тяжело. Одно дело – понимать что-то самому и совсем другое – попытаться доступно это растолковать.

Было тяжело, но зато он знатно блеснул своими знаниями.

Когда он заставлял её в пятый раз повторять устный рассказ, Анина мама принесла им в комнату обед, который они приговорили меньше чем за десять минут. К концу занятия Аня поняла почти всё, что он объяснял, и они успешно разобрали все упражнения.

Арсений был уже в коридоре и натягивал кеды, когда домой пришла Нина.

Вопреки его ожиданиям, – а ведь он уже был знаком с Аней и её радушной мамой, – Нина оказалась не очень общительной даже со своими домашними, а на него попросту не обратила внимания.

Но тем не менее Арсению она понравилась. У неё были тонкие черты лица, тёмные волосы и какая-то отрешённость во взгляде. А ещё она была повыше ростом.

Арсений попрощался с Аней, её мамой и Нининой спиной и поспешил домой за сумкой с формой. До тренировки оставалось всего ничего.

Глава 3. Напасти

Ольга появилась в школе только через неделю. Вид у неё был и впрямь болезненный. На фоне белого как мел лица её чёрные короткие волосы казались нарисованными углём.

«Может быть, она действительно болела», – подумал Арсений, когда та зашла в класс, села рядом с ним за парту и устало поздоровалась.

– Привет, – он повернул к ней голову и принялся всматриваться в её лицо.

– Что? – огрызнулась Ольга, заметив его внимание. – Да в порядке со мной всё. Просто ангина.

– Понятно, – Арсений отвернулся и принялся вытаскивать учебник и тетрадку по английскому из сумки.

– Делал домашку? Дай списать.

Арсений лишь кивнул и раскрыл тетрадь.

– Пожалуйста, – добавила Ольга, смягчившись под его укориженным взглядом.

Он пододвинул тетрадь к ней поближе.

– Эй, Сеня, – донёсся с парты позади голос Марка. – Поделись домашкой.

– Я же сделал – на, списывай, – послышался голос Игоря.

– У тебя тут чушь какая-то, я ни одной буквы разобрать не могу.

– Попроси только в следующий раз...

– Сеня, – позвал его Марк и для надёжности ткнул в спину карандашом.

– Ну чего?

– Дай списать.

– Не могу, Оля списывает.

– Оля, – Марк и ей на всякий случай тоже потыкал между лопаток карандашом. – Садись к нам.

– Сам садись, – рявкнула она в ответ, не отрываясь от списывания. – И карандаш свой засунь себе.

– Все такие неприветливые с утра, – пробубнил Марк, подтаскивая свой стул к Ольге и пристраиваясь на краешек парты.

Они успели списать вовремя. Через несколько минут прозвенел звонок.

В классе появилась строгая женщина лет сорока с небольшим, с уложенными короткими волосами и в синем брючном костюме. Их классная руководительница, Нелли Михайловна. Она приучила класс вставать, приветствуя её.

Классная сразу же начинала с проверки домашнего.

– Откройте свои тетради, сейчас посмотрим, как вы справились с переводом.

При этих словах она устремила свой ястребиный взгляд на парту за Арсением. То, что два разгильдяя в этом году стали садиться не за последнюю парту, а лишь за третью, её, кажется, нисколько не обмануло.

Арсению показалось, что он услышал за собой ругательство, но принадлежал этот шёпот Игорю или Марку, невозможно было определить.

Зашелестели раскрываемые на партах тетради. Нелли Михайловна медленно проходила между рядами с журналом в руках. Иногда она задерживалась у какой-нибудь парты, и тогда до Арсения доносился её недовольный голос.

– Белоусов, почему не выполнили перевод? – к ученикам Нелли Михайловна обращалась исключительно на Вы. – У Вас, сказать, сколько двоек уже в журнале? Три! Вас это не волнует? Учебный год только начался, а уже три двойки.

Класс с мрачным удовольствием уставился на объект всеобщих насмешек.

Невзрачный мальчик неопрятного вида, в вытянутом бежевом свитере, медленно испепелялся под её взглядом. Он вперился в свою тетрадь, где вместо домашнего задания сияла девственной белизной пустая страница, и покраснел до корней волос.

– Первого октября будет родительское собрание. Я надеюсь увидеть Ваших родителей, Белоусов, – разочарованно произнесла Нелли Михайловна, рисуя очередную двойку в журнале и переходя к следующей парте.

– А что у Вас, Ильин? – теперь её голос раздался поблизости, за спиной у Арсения.

– Вот, – Игорь с очаровательной улыбкой раскрыл свою тетрадь перед учительницей. – Всё сделал.

Она посмотрела в тетрадь и брезгливо скривила губы.

– Ильин, что это у Вас? Рунические символы? – По классу пронёсся смешок.

– Как вы научили, так и пишу, – осклабился Игорь.

– Минус балл за неряшливость, – отрезала Нелли Михайловна. – И рот прикройте.

Затем она заглянула в тетрадь Марка и, ничего не сказав, перешла к его с Ольгой парте.

– Варламов, отлично справились с заданием. Мне нравится ваш литературный подход к переводу. Что у Вас, Поморцева? Хмм... Хорошо.

– Ну что ж, – произнесла учительница, закончив проверку домашнего задания. – Две двойки. У Белоусова и Григорьевой. Конечно, меньше, чем в одиннадцатом «Б». Вчера они за это задание десять двоек получили, – тут в её голосе проскользнула едва уловимая гордость за свой класс. – А теперь хотелось бы поинтересоваться, почему у Поморцевой, Соколова и Варламова один перевод на троих. Кого назвала – к доске. Развейте мои сомнения.

В столовой после пятого урока Арсений с Игорем, Марком и Ольгой, с сомнением поддавшейся на его уговоры пообедать вместе с ними, заняли один столик на четверых.

– Просто обалденные тефтели, – восхищался Марк, поглощённый едой более чем полностью.

– А что, больше тем для разговоров у нас не осталось? – закатив глаза и откинувшись на спинку стула, произнес Игорь. – Сеня, как, например, твоё репетиторство?

– Какое репетиторство? – рассеянно переспросил Арсений. Он уже давно глядел в сторону, потеряв нить беседы.

– Ты же теперь преподаешь иностранные языки, – не унимался Игорь. – Можно и мне пару уроков взять?

...Прядь высветленных волос выскользнула из причёски, обнажилось ушко с цепочкой серёжки.

– Аня разболтала?

– Конечно.

Тонкие ключицы и ложбинка между ними. Инна была либо слишком глупа и не понимала, что стоит надевать в школу, а что нет, либо слишком хитра, и Арсений склонялся ко второму. Она повернулась, поймав на себе его взгляд, а он поскорее уставился на Марка, словно у того вылез третий глаз.

– О чём вообще с вами можно разговаривать? – Игорь фыркнул – это у него всегда вышло с чувством собственного превосходства. Друг уже пообедал и теперь не спеша допивал чай, ловя на себе взгляды компании девчонок из десятого «Б», занявших соседний столик, а потому держась с лёгким небрежным изяществом, как мог только он.

– Рисуешься, – с ухмылкой прокомментировал Арсений. Ольга скривила губы, Марк вообще не слушал, собирая подливу куском хлеба.

– Обожаю одиннадцатый класс. Так бы навсегда тут и остался, – ответил Игорь.

– Ха-ха, – скучающим тоном произнесла Ольга. – Мне кажется, тебе это легко удастся.

– Оля, – серьёзно сказал Игорь после минутного молчания. – Раз уж мы вынуждены терпеть твоё общество, нарисуй себе уже лицо, а то глазам больно.

Арсений хотел было вмешаться, но Ольга с каменным лицом взяла свой поднос и ушла, не произнеся ни слова.

– Оля, ну куда ты? – позвал он её, но она не обернулась. Арсений подарил другу свой самый укоризненный взгляд.

– Как-то некрасиво вышло, – заметил Марк. Игорь пожал плечами.

* * *

Сентябрь подобрел только под конец и порадовал всё-таки теплом и светом. Ольга не замечала раньше, насколько красив город осенью. Камень, утопающий в бушующем море красок.

Темнело.

Ольга спешила по асфальтированной дорожке, петлявшей по дворам. Она шла так быстро, что едва сдерживалась, чтобы не побежать.

Поворот за очередной дом, двор с детской площадкой, а там уже через дорогу – небольшой парк, обнесённый кованой оградой. Вот и пышные высокие ели, за которыми открывается затянутый ряской пруд. Дима стоит на берегу и пускает блинчики по воде. Как ловко у него это выходит! Вот один камушек пролетел, оставив за собой целую дорожку из кругов, прежде чем кануть в воду. За ним отправился следующий.

Он обернулся, хотя Ольга и пыталась не выдать своего приближения.

– Привет, – первой заговорила она, чтобы скрыть волнение.

– Ты сегодня очень красивая, – сказал он, пропустив приветствия.

Ольга не выдала смущения, но щёки её и так предательски алели. Дима врал ей подобным образом всякий раз, как они встречались. Но что самое удивительное – Ольга и не заметила, как начала ему верить. Ей так хотелось в это верить!

Она нашла на земле пару камешков и подошла к берегу. Первый не сделал и трёх прыжков, гулко булькнув в воду.

– Как у тебя дела? – спросил он.

– С переменным успехом.

Мимо них по дорожке прошла женщина с коляской.

– Смотри. – Ольга обернулась, и Дима тут же ловким движением извлек из рукава куртки букетик ландышей и протянул ей.

– А в сапогах у тебя ничего не припрятано? – пошутила она, по-глупому радуясь цветам.

Дима пожал плечами: мол, кто знает, – а потом ощупал голенища своих сапог и внезапно достал из левого сапога белый бумажный лист.

– Какая нелепица! – удивлённо бормотал он, поворачивая этот лист и так и сяк, будто надеясь разглядеть на нём что-то. – Мне так жаль: сюрприз испорчен!

Ольгу всё это веселило. Она держала в руках букет хрупких ландышей, украдкой нюхая их.

– Подожди-ка... – продолжал Дима свои размышления.

Он дважды сложил листок и несколько раз повернул его, потом согнул ещё раз. Его руки работали так ловко, что Ольга не могла уследить за их движениями, но когда он остановился, то держал в руках красивую белую маску, украшенную сверкающими пайетками, жемчугом и бисером.

Ольга не удержалась, подошла к нему и взяла в руки эту красоту. Маска не была бумажной, поэтому она поискала на земле глазами выброшенный листок бумаги, но нигде его не обнаружила.

Сколько фокусов она уже видела в его исполнении, но всякий раз не переставала удивляться.

– Как ты это делаешь?

– Я не раскрываю своих секретов, – с простой обескураживающей улыбкой каждый раз отвечал он.

Ольга не настаивала. Она приложила маску к лицу, а Дима завязал сзади тесёмки.

– Ну как мне? – спросила она.

– Великолепно, – серьезно ответил он.

Ольга подошла к кромке воды и глянула на своё отражение. На водной глади было трудно рассмотреть очертания, но каким незнакомым и загадочным показалось ей своё белое лицо...

Дима подошёл и взял её за руку.

– Хочешь посмотреть, где я живу?

* * *

Как легко и приятно идти по тротуару, слушая, как под кедами шуршат опавшие листья. Арсений шёл из продуктового магазина.

Мать уехала три дня назад. Он провожал её на вокзале, а она наказывала ему не забывать готовить себе что-нибудь кроме бутербродов. И вот он решил не забывать о правильном питании, купив себе лапшу быстрого приготовления.

И хотя от магазина до дома было всего пять минут ходьбы, Арсений выбрал маршрут подлиннее, с намерением немного прогуляться – погода так и манила. Солнце припекало голову, но воздух оставался свежим, а настроение было беспричинно радостным.

Последний год в школе, а потом его ждёт институт.

Арсений ещё не знал, кем он хочет стать и куда ему поступать, но для него очевидным было одно: у него всё будет замечательно.

Затем мысли его стали блуждать и как-то сами собой оказались возле Нины. Со дня их знакомства, если так можно это назвать, он видел её всего два раза. Правда, она стала чуточку разговорчивее, и он даже успел поинтересоваться, как её учёба в институте и новое место жительства. Последнее время он часто думал о том, что она очень красивая. Но красивая не как Инна, в которой всё было так кокетливо, а красивая совершенно по-особенному.

Внезапно ему захотелось увидеть её прямо сейчас – пригласить погулять: она казалась тем человеком, с которым приятно разделить такой чудесный день.

Конечно, будь Арсений не собой, а кем-нибудь другим, он, может быть, и не направился бы сразу к ней домой. Он мог бы для начала позвонить и узнать, дома ли она и какие у неё планы. Но приподнятое настроение и погожий день сделали своё дело, и ноги сами довели его до дома, на первом этаже которого находился большой супермаркет. Конечно, Нины могло не оказаться дома. Дома вообще могло никого не быть. Но Арсений уже поднимался на четвёртый этаж.

Дверь открыла Аня. Она удивилась и обрадовалась ему одновременно и с привычной дружеской улыбкой пригласила его внутрь.

– Привет! – поздоровался Арсений. – Ну, как дела?

– Ну ничего так, – Аня прищурилась. – А разве мы договаривались, что и на выходных будем заниматься?

– Да нет, что ты! – смеясь, сказал Арсений. – Ты, вообще-то, делаешь успехи. Просто я...

Тут он запнулся, не зная, как конкретнее описать цель своего визита. Аня по-прежнему смотрела на него с любопытством ребёнка, распаковывающего подарок.

– А Нина дома? – спросил он.

На мгновение ему показалось, что открытая коробочка оказалась без подарка. Тень пробежала по Анинуму лицу и тут же исчезла.

– Да, конечно, сейчас позову. Ты здесь подождёшь или пройдёшь? – скороговоркой выдала она.

– Да я здесь постою.

– Сейчас.

Аня скрылась в своей комнате, а уже через минуту оттуда вышла Нина. Она была в свободных домашних штанах, широкой футболке; волосы кое-как собраны в узелок на затылке. Но эта небрежность не делала её менее привлекательной. Арсений почувствовал, как щеки обжёг румянец, когда он сказал: «Привет».

– Привет, – ответила Нина, прислонившись к дверному косяку. На её обычно отрешённом лице появилось выражение лёгкого любопытства. Она скрестила руки на груди.

Арсений собрался с духом и выпалил:

– Проходил мимо и хотел спросить, может, прогуляемся? – и он подкрепил своё предложение улыбкой – самой простой и будто бы даже ненамеренной. Той, которая в прошлом году свела его с Инной.

Нина продолжала смотреть на него, но выражение любопытства на её лице сменилось досадой.

– Это свидание?

– Да, – нисколько не таясь, подтвердил Арсений.

– Ну... Я могу пойти с тобой на свидание, – без энтузиазма, присущего свиданиям и всему, что с ними связано, ответила она. – Что я при этом теряю?..

– Да уж, – пробормотал он, миглом растеряв свою лучезарную уверенность. – Хуже-то не будет...

– Это точно.

– Хочешь, сходим в кино?

– Нет. Погуляем.

Разговор о предстоящей встрече приобретал какой-то абсолютно нелепый деловой характер.

– Хорошо, – после заминки произнес Арсений. – Во сколько за тобой завтра зайти?

– Заходи в шесть.

– Ладно... Тогда до завтра? Пока.

– Пока.

На улице по-прежнему светило солнце, дул свежий ветерок, но теперь мир не казался ему таким уж радужным. Он не мог припомнить, когда в последний раз чувствовал себя так глупо.

* * *

На следующий день Арсений, как и обещал, зашёл за Ниной. Правда, подниматься до квартиры ему и не пришлось – она ждала его внизу.

При виде Нины Арсений приуныл. Он надеялся хоть на какие-то признаки радости, хотя бы на улыбку, но та продолжала держаться холодно и равнодушно...

Зачем тогда она вообще согласилась? Сразу бы сказала, что ей это неинтересно.

Они немного прогулялись по улочкам, заворошённым листвой, поболтали о всяком. Хотя болтал в основном он, а Нина время от времени отделялась короткими ответами, и лишь один раз ему удалось разговорить её. Оказалось, она много знала о красках, и как там чего-то изображать, и в какой технике, но Арсению это было неинтересно, и он сразу заскучал.

Пока они вели вялую беседу о том, каково это – сдавать вступительные экзамены в институт, Арсений начал задумываться, что, может быть, это свидание было не такой уж хорошей идеей, какой казалось на первый взгляд. Внезапно Нинина привлекательность померкла рядом с её холодностью.

Они обошли квартал кругом, а потом Арсений проводил Нину до дома. Он оставался вежливым, но былого энтузиазма пропал и след.

– Всего доброго, – сказал он, когда они дошли до подъезда, и уже собирался уходить, когда Нина обратилась к нему.

– Арсений, послушай... – Она была предельно серьёзна, и морщинка залегла у неё между бровей. – Спасибо за прогулку, но я не думаю, что нам стоит встречаться. Ну, не в буквальном смысле этого слова. Но ты понял...

Арсений стоял и молча смотрел на неё, слегка ошеломлённый её прямоотой.

– Ты симпатичный и интересный, но меня всё это не интересует. Да даже если бы и не это, есть и другие причины. Которых ты не замечаешь.

– Да нет, ничего, – Арсений понимающе улыбнулся, даже с облегчением – он уже и сам подумывал, как бы дать заднюю и выставить своё приглашение простым дружеским интересом.

– Так всё в порядке?

– Конечно. Давай будем считать, что мы просто по-дружески прогулялись.

– Давай, – согласилась Нина.

Они с лёгкостью попрощались и разошлись по домам.

Вечерело. Во дворах пролегли длинные тени. На улицах было довольно безлюдно.

Арсений уже зашёл в свой двор, как вдруг ему послышалось, что где-то играет музыка. Так тихо и ненавязчиво, но вполне отчётливо, что позволяло различить мотив.

Мелодия казалась прекрасной. Он не знал, из каких инструментов извлекают подобные звуки, но они напоминали звонко падающие капли. Нечто печальное, лёгкое, почти невесомое. Ему захотелось найти источник мелодии, но в какую бы сторону он ни шёл, звук не удалялся и не приближался.

Покружив так по двору в течение минут пяти, Арсений понял, что это бесполезно, и как только он решил пойти домой, музыка вдруг исчезла. Он больше её не слышал, но незатейливая мелодия продолжала играть в голове.

И уже когда Арсений зашёл в квартиру и стянул с ног кеды, ему вспомнились Нинины слова про причины, которых он не замечает.

– Что, интересно, ещё за причины? – рассеянно размышлял он, ставя чайник на плиту.

Глава 4. Последний бал

Наступил октябрь. Погода по-прежнему держалась ясной, однако по утрам уже ощутимо подмораживало, а трава покрывалась инеем.

До осенних каникул было рукой подать. Школа готовилась к осеннему балу, на котором учащиеся представляли свои номера, а после старшекласникам разрешали устроить танцы до полуночи. Это было самое ожидаемое, если не считать каникул, событие ближайшего времени.

Особенно были взбудоражены девчонки. Они всё никак не могли перестать обсуждать свои наряды и делали это постоянно: на переменах, в столовой и даже на уроках. Арсений недоумевал: сколько же можно говорить об одном и том же? С Ольгой зато никто и не пытался заговорить ни о чём таком.

– Как у тебя дела? – как-то спросил он у неё, когда на перемене они вместе переходили из одного кабинета в другой.

– Нормально всё, – ответила Ольга, широко шагая рядом и не поднимая на него глаз.

– Я серьёзно.

– Так и я серьёзно, – она посмотрела на него, и Арсений поймал её взгляд. – Всё отлично.

И тут он заметил нечто странное, чего ещё не видел прежде. Глаза у Ольги сияли счастливо.

– Что? – недоверчиво спросил он. – Отец все-таки отравился спиртом?

– Нет, он всё ещё жив. Просто... просто всё отлично.

– Что отличного-то? – не понимал он. – Родители разводятся, и вы съезжаете? Или ты решила сбежать из дома?

– Нет.

– Ты сама решила отправить его на тот свет? – ошалело спросил Арсений.

– Нет. Но дело не в этом.

– Тогда в чём?

– А в том, что не стоит лезть в чужие дела, – огрызнулась она.

Арсений закончил с расспросами, но не оставил этот разговор без внимания. Ольга вела себя странно. Может быть, она начала сходить с ума? Он размышлял об этом ещё секунд десять, а потом его нагнали Марк с Игорем и кто-то из них отвесил ему подзатыльник. Остаток перемены они гонялись друг за другом по коридорам, заставляя встречных учеников прижиматься к стенам, а половину следующего урока провели в кабинете завуча.

Отсутствие матери не ощущалось первую неделю, но потом Арсений стал замечать, что квартира начинает приобретать обычно несвойственные ей признаки. Корзина для грязного белья в ванной больше не могла в себя ничего вместить, пол в углах порос пушистой пылью, раковина на кухне всё время была забита, а чистых вилок никогда не оказывалось. В конце концов у него кончились футболки, и он, приуныв, в выходные вынужден был взяться за работу по дому. За этим занятием друзья и застали его, явившись вечером.

Арсений бросил незаконченными все свои дела, и, пока на улице было тепло и окончательно не стемнело, они побежали на ближайшую баскетбольную площадку, где, разогнав ребят помладше, до позднего вечера бросали мяч.

В квартиру они вернулись разгорячённые и уставшие. Арсений весь вспотел, мокрые пряди липли ко лбу.

Была суббота, и на следующий день не нужно было идти в школу. Марк и Игорь остались у него с ночевой. Они принесли кучу разных фильмов, каждый из которых, уверял Марк, нужно посмотреть именно сегодня. По большей части это были ужасы.

Но они не успели досмотреть и до первой леденящей душу сцены, как раздался телефонный звонок.

– Вот блин, – простонал Марк. – Это наверняка моя мама. Опять меня потеряла.
– Ты разве не сказал, что остаёшься у меня? – бросил Арсений на ходу, направляясь к телефону.
– Я оставил записку. У себя в комнате...
– Алло, – ответил Арсений в телефонную трубку.
Но вместо ответа в ней слышалось гнетущее молчание.
– Алло! – повторил он более требовательно. – Я вас не слышу.
– Алло, здравствуйте, – проговорил наконец-то сбивчивый мужской голос. – Я, видимо, ошибся номером. Извините...
– А куда вы звонили?
Но в трубке уже звучали одни гудки.
Он вернулся на диван и уже хотел продолжить просмотр, как телефон вновь зазвонил. Арсений выругался, но снял трубку.
– Арсений, здравствуй. А Марк у тебя? – слышался взволнованный женский голос.
– Да, конечно... Марк! Тебя мама к телефону.

* * *

Октябрь быстро отсчитывал дни.
С недавнего времени к их школьной компании присоединилась Аня. Даже Ольга теперь всё чаще проводила время вместе с ними. Так что почти каждый день они впятером обедали, а на переменах часто пересекались где-нибудь – даже если на пять минут.
Арсений искренне наслаждался последним годом обучения в школе. Учёба, как всегда, давалась ему легко, учителя хвалили, и всё здесь было таким знакомым и удобным, что становилось даже грустно при мысли о пока что смутном будущем.
Особенно ему нравились в этом году уроки географии с новым учителем, который, с его внушительной фигурой и низким утробным голосом, произвел на класс неизгладимое впечатление. Все слушали его, словно заворожённые, а он с таким чувством и интересом рассказывал им удивительные вещи о недрах Земли, что ни у одного ученика не возникало и мысли отвлечься.
Еще одной, особенно любимой школьниками чертой в новом учителе было то, что он почти не задавал домашних заданий, а если и делал это, то спрашивал не строго, да и после его занятий вспомнить хоть пару предложений мог любой двоечник.
Всё шло своим чередом. Единственным, что беспокоило Арсения, была Ольга.
В последнее время её будто подменили. Это начинало тревожить. Она часто улыбалась, стала приветливее и разговорчивее. Он даже пару раз подметил, как она вполне дружелюбно болтает о чём-то с другими девчонками из класса. И можно было бы порадоваться этой перемене в ней, да вот только Арсений никак не мог найти ей объяснения, и хотя эти мысли не занимали его сутками напролёт, он частенько задумывался над этой головоломкой на уроках.
О своём неудавшемся свидании с Ниной Арсений пытался не вспоминать, что было весьма трудно, ведь он до сих пор помогал Ане с английским. С того памятного неловкого вечера они с Ниной обмолвились только парой приветствий.
Тем временем мать вернулась с отдыха. Промозглым дождливым днём Арсений встречал её на вокзале. Она выглядела отдохнувшей, много рассказывала о горах и о море, расспрашивала, как он жил один, что делал и чем питался, а потом расцеловала его в обе щеки. Арсений неловко отвечал, что переживать было незачем, и поскорее сменил тему – в такие сентиментальные моменты он чувствовал себя неловко.

* * *

Догорал закат, окрасив небо багрянцем. На холодном небосклоне, еле видимый, проступил рожок месяца. Дима и Ольга взобрались на старую яблоню, растущую в Димином дворе, и сидели на толстых ветках у самого ствола, как дети, собирая с ближайших веток подмёрзшие дикие яблочки, перебрасываясь шутками.

– Вот грохнешься, и будешь знать, – сварливо заметила старая карга с клюкой, вышедшая из подъезда с мешком мусора.

– Куда вы, бабушка, мусор на ночь глядя понесли – денег не будет! – отвечал ей Дима сверху.

Бабка молча зашаркала по тротуару в сторону мусорных баков. Ольга засмеялась. Стая бездомных собак с несчастными глазами и прижатými ушами пробежала под их деревом и исчезла в темноте.

– Твои родители тебя когда-нибудь навещают? – вдруг спросила Ольга.

Она так мало о нём знала, несмотря на то, что они часто виделись. В своей квартире Дима жил один. Никаких его друзей или родственников она ни разу не встречала. Спросив однажды, где его родители, в ответ услышала, что те живут далеко.

– Никогда, – Дима пожал плечами. – Я давно сам по себе.

– Везёт тебе, – с завистью проговорила Ольга. – Я бы тоже хотела не видеть своих.

– Никогда-никогда? – спросил он её.

– Никогда.

Они слезли на землю. Но Ольга не торопилась уходить домой. Такой чудесный стоял вечер! Они присели на краешек каменной ступеньки у подъезда.

– У тебя в волосах... – начал было Дима, указав ей на голову.

– Что? Что там? – забеспокоилась Ольга, представляя запутавшееся в прядях волос насекомое.

– Да всего лишь листик. – Дима протянул руку и достал сухой потемневший лист. – Или нет?

Он повертел листик в руках, и вот с его ладони сорвался мохнатый серый мотылёк. Он неровно полетел к ближайшему фонарю и заколотился об него своим крупным тельцем. Ольга не сводила с него поражённого взгляда.

– Признавайся! Нет у тебя никакой учёбы в университете, как ты мне рассказывал?

Она устремила на Диму требовательный взгляд. Он, запрокинув голову, тоже наблюдал за мотыльком. Ни шапки, ни шарфа, и щеки с носом покраснелись так, что хотелось приложить к ним ладони и согреть. Казалось, он и не услышал её вопроса.

– Это ещё почему? – удивился Дима, наконец-то обратив на неё блестящие глаза.

– Ты – путешествующий с каким-нибудь цирком фокусник! – выдала Ольга, сама от себя не ожидая подобных заявлений вслух. И сразу же смутилась.

Дима рассмеялся.

– Если я путешествую с цирком, то почему я здесь? – лукаво улыбнувшись, спросил он.

– Не знаю, – буркнула Ольга, отвернувшись от настойчивого взгляда. – У меня такое чувство, что ты меня дуришь.

Она ожидала возражений, но их не последовало. Тогда она посмотрела на Диму и встретила серьёзный, задумчивый взгляд.

– Знаешь, ты права, – проговорил он, глядя ей в глаза. – Я тебя дую.

У Ольги внутри все обмерло. За считанные секунды она успела испугаться дважды. Сперва подумав, что Дима ей и впрямь о чём-то страшно наврал и придётся в нём разочароваться, а затем решив, что её недоверие его задело.

– Я действительно фокусник в цирке, – сказал он, без всяких признаков злости.

– Прости меня, – прошептала Ольга, готовая расплакаться от стыда.

– Нет, ты на самом деле права, – с жаром проговорил Дима, улыбнувшись. – Я фокусник!

И я путешествую с цирком! И ты сбежишь со мной!

Ольга смотрела на него широко раскрытыми глазами, не понимая, что он несёт.

– О чём ты вообще говоришь?

– Я говорю, что мы можем сбежать! Ты ведь этого хочешь? – Дима обратился к ней озарённое идеей счастливое лицо. Он схватил её за руки, его ладони были мягкими и тёплыми.

– Ты издеваешься надо мной?

– Нет! Послушай меня, это действительно серьёзно.

– И куда мы пойдёмся, мне всего шестнадцать!

– Мы будем путешествовать.

– Где?

– Там, где будут проходить гастроли.

Ольга вскочила на ноги.

– Хватит! – крикнула она. – Ты находишь это смешным?

– Нет, – ответил Дима без улыбки и тоже поднялся. – Я серьёзен. И без шуток: давай сбежим. – Ольга с отчаянием смотрела в его лицо, а он продолжал говорить: – Терять тебе нечего, свою семью ты ненавидишь. Так какая разница?

Ольга молчала. Мимо них прошла обратно давешняя бабка, смерив её злобным взглядом.

– Что ты ответишь? – требовательно и с ещё более удивившими Ольгу нотками властности проговорил Дима. Он протянул ей раскрытую ладонь. Пахнуло холодным ветром.

Она сунула руки в карманы куртки.

– Я пойду домой, – сказала Ольга, пытаясь не смотреть в потемневшие глаза. – Давай поговорим об этом через пару дней, у меня каникулы скоро начнутся.

Дима молчал, а протянутая ладонь так и оставалась немым вопросом, обращённым к ней.

– Я провожу, – проговорил он, смягчившись.

– Не надо. Сама дойду.

Она развернулась и, вся ссутулившись, поспешила домой, не оборачиваясь и не проверяя, смотрит ли он ей вслед.

* * *

В последнюю субботу октября Арсений стоял перед зеркалом в ванной, пытаясь придать непослушным кудрям подобие причёски, но получалось то слишком зализанно, то чересчур небрежно. В конце концов, измучившись, он зло растормошил волосы и уставился на своё угрюмое отражение. «Пойду так, – решил он. – Плевать».

Он собирался на Осенний бал.

Накануне утром мать отпарила его брючный костюм и рубашку. Арсений надел их, а потом, состроив измученную гримасу, посмотрел на приготовленный ею синий галстук. Накануне они долго спорили, и она сказала, что галстук – это красиво и празднично, а он, не высказывая своих мыслей вслух, считал, что галстук, надетый в школу, пусть и на праздник, – это пижонство. Так что Арсений спрятал его в шкаф, поскорее накинул куртку и отправился в школу.

До начала праздника было ещё время, и ученики толпились в фойе, ища знакомых, одноклассников или сбиваясь, как делали девчонки, в шумные, веселые компании. Все выглядели нарядными: парни по большей части в чёрном, а вот девчонки не упустили случая щегольнуть ярким платьем. Сама школа была украшена золотыми воздушными шарами и осенними листьями, расклеенными по стенам.

Что-то неуловимое витало в воздухе. Эйфория, предвкушение развлечения.

В этой взволнованной толпе Арсений отыскивал друзей. Из кармана пиджака Марка торчал хвост скомканного галстука. А вот Игорь свой не снял, и при этом выглядел взрослее и круче.

Ребята не успели даже перекинуться парой слов, как все начали потихоньку проходить в актовый зал и рассаживаться.

– Ох, Сеня! Изумительная у тебя причёска, – послышалось за спиной.

Он обернулся. Это была Аня в тёмно-синем коротком платье, которое ей очень шло. Она... как будто выглядела иначе.

И то ли это была атмосфера праздника, то ли Арсений внезапно прозрел, но он вдруг разом подметил все те интересные мелочи в её внешности, которые раньше от него ускользали. Например, что у неё острый нос с горбинкой, напоминающий сову, но очень милую. Или что светло-серые глаза не бесцветные, а такие лучистые. Или что она никогда не распускает волосы – те всегда туго заплетены.

– Что? – переспросил он.

– Причёска, говорю, у тебя потрясающая.

– А, спасибо, – усмехнулся он в ответ. – Прекрасно выглядишь.

Аня улыбнулась и заговорила с Игорем об их номере. Они выступали в самом конце. Игорь, словно шутя, предложил ей руку, и Аня, рассмеявшись, положила свою маленькую белую руку поверх его загорелой. Так, торжественно дурачась, они вошли в актовый зал.

– А сколько всего номеров? – поинтересовался Марк.

– Около двадцати, – обернувшись, бросил Игорь, белозубо улыбаясь.

– Зараза! Так и знал, что надо было приходиться часа через полтора. Может, пока свалим? – обратился он к Арсению. – Как раз на танцы и придём.

– Нет, я хочу посмотреть на ребят. А ещё Нелли Михайловна обещала прийти и проверить всех по списку.

– Да ладно! – воскликнул Марк. – Я не хочу смотреть на эту самодеятельность.

– А я хочу! – Арсений развеселился, ему и впрямь было любопытно, что придумали на этот раз.

Они расселись по местам в соответствии с классами: помладше – впереди, постарше – позади. Концерт ещё не начался, в зале негромко играла музыка, и Арсений от нечего делать разглядывал присутствующих.

Впереди, через два ряда от них расположился десятый «А», и он быстро нашёл взглядом Аню. Неподалёку от неё сидела Инна, в своём серебристом платье и с мерцающим макияжем напомнившая ему аквариумную рыбку. Она кидала презрительные взгляды в Анину сторону и что-то говорила своим подружкам, так что те просто помирали со смеху. Аня мстительно улыбнулась ей, показывая средний палец. Улыбка Инны мгновенно увяла. Арсений от души посмеялся, продолжая глядеть по сторонам.

Староста Катя даже на праздник оделась в строгое тёмное платье, её смоляные косички блестели на плечах. Совсем недавно, за обсуждением с классом организационных вопросов похода на осенних каникулах, в попытках достучаться до одноклассников через тот гвалт, который стоял в классе, она сорвала голос и поэтому сегодня не вела концерт, а сидела вместе со всеми.

Чуть подальше Арсений заметил Ольгу в драных джинсах, кедах и задорной майке с апельсином. К его удивлению, она о чём-то болтала с Машей Воробьёвой – отличницей из их класса. Рядом с ними сидел ещё один светлый ум, Женя Вырыпаев – он был знаменит тем, что все умные вещи говорил жутко картавя, за что снискал особую любовь Игоря. Саша Власов, сидевший прямо за ним, старательно крошил в его нечесаную шевелюру кусочки бумажки. Гаденько подхихкивала рядом с Сашей Григорьева Юля, пытаясь прислониться и опустить голову ему на плечо, но Саша не обращал на неё никакого внимания.

Тем временем появилась Нелли Михайловна. Она, как и обещала, проверила всех по списку, а потом заняла свободное место у самого прохода, не теряя при этом бдительности и время от времени окидывая своих учеников взглядом Горгоны: каждый, кого касался этот взгляд, мгновенно замолкал и застывал, не смея шелохнуться.

Концерт начался. На сцену вышли ведущие – парень из параллельного «Б» класса, не очень приятный тип, с крупными передними зубами и вытянутым лицом, что придавало ему сходство то ли с лошадьё, то ли с ослом. Теперь он ожесточённо улыбался со сцены. А также замена Кати, девочка приятной наружности, кажется, из девятого класса, имени которой Арсений не знал.

Для начала ведущие дали слово директорше, и та с энтузиазмом в течение двадцати минут говорила о вещах настолько далёких от сознания школьников, что уже через пять минут её речи зал погрузился в оцепенение, снять которое смог только звонкий голос ведущей:

– А сейчас для вас исполнят вальс участники школьного танцевального коллектива «Муза».

После чего заиграла музыка. На сцену выплыли две пары и закружились в танце. Это внесло некоторое оживление. Кто-то с интересом смотрел, кто-то вполголоса переговаривался. По окончании выступления раздались уверенные аплодисменты, правда, не слишком бурные.

Номера следовали один за другим. Кто-то пел, кто-то танцевал, двое первоклассников дрожащими голосами читали стихи, и была даже одна юмористическая сценка, в которой угадывались смелые пародии на директора, лысого учителя информатики и молодую учительницу физики. Вот это уже было весело. Марк так вообще свистел, когда всё закончилось и зал захлопал. Только молодая учительница от такого внимания к своей персоне покрылась красными пятнами.

– И в завершение нашего сегодняшнего концерта для вас выступят Игорь Ильин и Аня Кудрявцева с великолепной песней на итальянском.

Зазвучала музыка – она была довольно необычной, Арсений назвал бы её сказочной. Аня и Игорь вышли на сцену. Аня держалась очень уверенно, не стеснялась и не проявляла никаких признаков страха перед публикой. А Игорь, тот и вовсе был в своей стихии: не тушуясь, но и не рисуясь – выходило донельзя естественно.

Первой запела Аня. Арсений смутно помнил её выступление на первое сентября, тем более что тогда он и понятия не имел, кто она такая. У неё оказался удивительно сильный голос, который никак не вязался с её хрупкой внешностью. Арсений не понимал смысла песни, но, несмотря на это, она ему уже очень нравилась – в ней ощущалась некая сила, что нарастала постепенно, от куплета к куплету, и тем мощней становилась музыка. Это завораживало.

С третьего куплета к голосу Ани присоединился голос Игоря, и Арсения буквально пробрало до мурашек, так здорово звучали их голоса вместе.

Когда они замолчали, музыка ещё некоторое время звучала, постепенно сходя на нет, и закончилась так же спокойно, как и началась.

Зал буквально ликовал – и было с чего. Аня, смутившись впервые за всё выступление, коротко поклонилась. Игорь дарил улыбки и поклоны за них двоих.

На этом концерт закончился.

Затем освободили большую часть зала для танцев, сдвинув стулья к стенам. За окнами от солнца осталось лишь слабое зарево у горизонта, и зал освещался цветом музыкой, создававшей приятный полумрак. Музыкой заправлял всё тот же Юра. Заиграла танцевальная мелодия, и середина зала начала постепенно заполняться школьниками. На первых порах танцевали вяло и неуверенно, оглядываясь на других, но когда стало яблоку негде упасть, дело пошло веселее. Спиртные напитки были строго запрещены, но через полчаса пополз слух, что где-то по рукам ходит бутылка джина, и, может быть, даже не одна.

Арсений и его друзья веселились в центре танцпола, больше дурачась, нежели танцуя. В конце концов Марк с Сашей и не теряющей надежды Юлей образовали паровоз. К ним начали пристраиваться все остальные, и вот они уже передвигались по залу как огромный китайский дракон. Но зазвучала очередная мелодия – Юра объявил белый танец. Паровоз распался. Игоря мгновенно увела за собой новая ведущая, Марк сбежал в холл подышать свежим воздухом. Арсений хотел было присоединиться к нему, но у выхода его поймала Аня.

- Потанцуем? – спросила она, отдувая с раскрасневшегося лица выбившиеся кудряшки.
- Конечно.

Они вернулись в полутёмный многоголосый зал и закружились вместе с другими парами. Танцевать с Аней было легко и приятно.

- Вы здорово выступили, – сказал Арсений.
- Спасибо, мы старались.

– А о чём была песня? – музыка звучала громко, и приходилось говорить, склоняясь к самому уху.

– Я не знаю, – честно призналась Аня и рассмеялась. – Ты же знаешь, как плохо у меня с языками.

Тут настал черёд Арсения смеяться. Ане нельзя было отказать в самоиронии.

Они немного помолчали, старательно отводя глаза, делая вид, что совсем не смущены тем, что прижаты друг к другу в окружении других танцующих пар. Арсений заметил совсем близко блеск серебристого платья. Инна щебетала о чём-то на ухо своему кавалеру, Диме из одиннадцатого «Б», а тот смотрел на неё затуманенным взором. Почему-то увиденное раздосадовало Арсения, и ему совсем расхотелось танцевать с Аней.

– Немного странный выбор песни для медленного танца, тебе не кажется? – сказал он Ане, чтобы та не думала, что он про неё вообще забыл.

- А мне нравится, – возразила та. – Хорошая песня.
- Я и не говорю, что плохая, но необычный выбор.

Аня пожала плечами.

– Мне нравятся песни на иностранном. По крайней мере, можно наслаждаться мотивом, не подозревая, о какой чуши они поют.

- Да уж, это точно...

Доигрывал повторяющийся припев, Арсений по-прежнему осторожно держал Аню за талию, а перед его глазами словно разворачивалось синее-синее, без единого облака небо, на которое он смотрит сквозь нежно-зелёную листву лимонных деревьев, и крупные жёлтые плоды опадают с этих деревьев к его ногам.

Песня закончилась, и пары распались. Аня сразу исчезла в толпе, а Арсений вышел в коридор, где, ссутулившись и облокотившись на подоконник, разглядывая сгущающуюся темноту за окнами, стояла Ольга. Поблизости на одном из подоконников сосалась парочка.

- Утомился, дружок? – осведомилась Ольга, когда он подошёл к ней.

– Вот мне интересно, – спросил Арсений, – твой наряд – это такой вид протеста или просто твой стиль?

- Считаю, что мой стиль – это и есть вид протеста.

– Ну что, расскажешь, какая у тебя тайна?

– Нет, – безмятежно ответила Ольга, а потом поучительно добавила: – Много будешь знать, Сеня, – рано состаришься.

Они помолчали.

- Ну хотя бы скажи, с тобой ведь ничего не случится?

– Ой, да что со мной может случиться? – Ольга потрепала его по голове.

Вблизи Арсений разглядел, что её лицо осунулось, как после бессонной ночи, и под глазами пролегли тени, отчего Ольга казалась больной. – Но если всё-таки мы больше не увидимся, знай, что ты очень хороший человек, и я желаю тебе самого лучшего.

– Это ещё что за заявления! – опешил Арсений, и своим восклицанием потревожил покой влюбленных. – Ты с ума сошла?!

– Не кричи так! – прикрикнула она на него, округляя глаза. – Я пошутила. Ты в последнее время такую трагедию вокруг меня ломаешь, что я не удержалась.

– Ага, смешно, – обиделся Арсений.

– Мне домой пора. Пока, – попрощалась Ольга и пошла прочь.

– Ты в поход-то пойдёшь? – бросил Арсений ей вслед.

– Посмотрим, – ответила она.

Он проводил взглядом её удаляющуюся одинокую фигуру. В душе шевельнулось смутное беспокойство. Всё-таки всё было нехорошо. Совсем нехорошо.

– Это еще что такое?! – с возмущением и ужасом выдохнула завуч, направлявшаяся в актовый зал, но замершая возле Арсения.

Арсений поднял на неё удивленный взгляд, не понимая, чем заслужил подобное возмущение, но потом увидел, куда она смотрит, и лишь ухмыльнулся. Кирилл и Даша из параллельного класса так самозабвенно продолжали свое дело, что им можно было лишь позавидовать. Или посочувствовать. Завуч была в этом отношении строга; сейчас она кинется их разнимать, а после каникул наверняка вызовет родителей.

Сам Арсений в прошлом году попадался дважды.

Он вернулся в актовый зал, совсем забыв о тревоге по поводу своей соседки по парте, и увидел неподалёку от себя, как в образовавшемся круге Игорь, Марк и – к его удивлению – Аня танцуют зажигательный танец под восторженные выкрики толпы.

Глава 5. Хозяин и его Тень

Воздух, нагретый солнцем за день, остыл и сделался холодным, изо рта вырывался пар. Ольга растерянно оглянулась. Не может быть, чтобы она заблудилась в этом районе, ведь последний месяц она бывала тут почти каждый день. Вот парковка, детская площадка, универмаг и мусорные баки – всё знакомое. Но где же тогда дом, в котором живёт Дима? Дом на том месте и впрямь был, но вот только недостроенный и заброшенный.

Ольга присмотрелась к остальным домам, надеясь хоть где-нибудь обнаружить знакомую табличку, но так и не нашла её. Она отыскивала все номера, кроме того, что с нужной литерой. Могла ли она перепутать дворы? Спальные районы все как один похожи друг на друга. Но она точно помнила это граффити на стене универмага – в виде большого цветного мотылька.

У одного из подъездов на скамейке сидела добродушного вида старушка в пёстром платочке: мирно сложив руки на животе, она наблюдала за детьми, играющими на площадке.

– Извините, – обратилась к ней Ольга, – вы не подскажете, где находится дом сто девятнадцать, корпус второй?

– Сто девятнадцатый? – переспросила старушка, осматривая соседние дома. – Так вот он стоит, – указала она на первый корпус.

– Нет, – возразила Ольга, злясь, что её не понимают. – Мне нужен второй корпус.

– Да нет никакого второго корпуса, – миролюбиво заметила та. – Есть только сто девятнадцатый и еще рядом с ним вот этот, недостроенный... Может быть, он и есть второй корпус. Я не знаю, – старушка пожала плечами.

Ольга окинула взглядом двор, и её сердце, всё это время бившееся ровно, начало отбивать барабанную дробь. Мир вокруг сделался далёким, а она словно рухнула в глубокий колодец.

– А какой сейчас год? – поинтересовалась она у старушки, уже не надеясь сойти за нормальную.

Та как-то нехорошо молчала, и было непонятно, то ли она просто не собирается отвечать, то ли вспоминает, какой же в действительности год на дворе.

Ольга побрела к заброшенному зданию, к тому самому подъезду, по ступенькам которого так часто поднималась. Дом казался и знакомым и чужим одновременно. Он выглядел так, словно с тех пор, как они с Димой сидели на каменных ступеньках лестницы у входа в подъезд два дня назад, отсюда успели выселить всех жильцов и прошло уже десять несчастливых лет. Хотя, судя по виду, в этом доме никогда и не было жильцов.

Она поднялась по пыльным, грязным ступенькам на второй этаж. У квартир не было входных дверей, и Ольга прошла в одну из них, в ту самую, в которой, ей казалось, она бывала так часто в последнее время. Пустое помещение, голый бетон, строительный мусор, а больше ничего.

В проёмах окон темнело небо. Ей стало страшно.

Она всё это придумала. Она просто сошла с ума. Ведь все эти их разговоры, прогулки, встречи, фокусы...

Фокусы.

Ольга грустно усмехнулась. Ведь она должна была заметить и понять. Так ловко творить все эти необъяснимые чудеса ни один живой человек не мог. Разве можно было представить, что она, такая нескладная, со своей бледной, невзрачной кожей и невыразительными глазами, в своих старых джинсах и футболке, может кому-то приглянуться! И не просто приглянуться. Чтобы кто-то так искал встреч с ней и постоянно радовал её, заставлял улыбаться, говорил о невероятных и захватывающих вещах и предлагал помечтать вместе.

Такой яркий и живой. Такой ненастоящий. Самого лучшего своего друга она сама себе придумала.

Страх расплзся по телу, холодя его лучше ветра, продувающего не прикрытое ничем помещение. Как могло сознание так её обмануть? Все равно что обнаружить, что в доме, в котором ты столько лет считал себя единственным обитателем, на протяжении всего этого времени жил кто-то ещё. Кто-то чужой и незнакомый в этом пустом, заброшенном доме.

Ольга села на грязный пол и, обхватив руками колени, стала смотреть на темнеющее небо и на первые редкие, еле видимые из-за зарева над городом звёзды. Она не пойдёт домой, она останется сидеть здесь. Прирастёт корнями к этому холодному камню, расстелется зелёным мхом по голым стенам и не будет так отчаянно цепляться за выдуманные истории.

Внезапно стены полыхнули расцветающими на них золотыми лилиями. Комната озарилась ярким светом. Ольга испуганно вскочила, боясь представить, какую ещё злую шутку сыграет с ней этот вечер.

Всё в комнате преобразилось: встали в проёмы окна и двери, покрылись бумажным рисунком стены, мебель расставилась по местам.

Яркий свет угас, и комнату уже освещала настольная лампа рядом с компьютером. В углу стоял вечно незаправленный диван. На стуле висела одежда. Стол, как всегда, был завален дисками и обрывками бумаги. Эксцентричный юноша с большими чёрными глазами и чувственными губами, держа в руках микрофон, смотрел на неё с плаката на стене. Его имени она так и не запомнила.

Дима тоже был в комнате. Он сидел на подоконнике у распахнутого окна и смотрел вдаль, словно и не замечая Ольгу. Босой, одетый в закатанные до колен джинсы и серую выгоревшую футболку, с распущенными волосами, чуть развевающимися от легкого ветра.

– Эй! – в отчаянье крикнула она ему, но Дима не обернулся. – Посмотри на меня!

Но он продолжал смотреть в окно, задумавшись о чём-то своем.

– Разве ты меня не слышишь?

– А кто сказал, что ты здесь есть? – заметил он, не глядя в её сторону.

– Но я ведь здесь! – Ольга, обезумев от происходящего, подбежала к нему. – Вот, – она схватила его руку, но он отнял её.

– Нет, – проговорил Дима бесцветным голосом. – Разве ты не знаешь, что это просто сон?

– Я не сплю. Я знаю, что я не сплю!

– А я и не о тебе говорю. Это я сплю, – он, словно сожалея о чём-то, покачал головой. – Видишь ли, я просто тебя придумал.

Давно уже потерявшая чувство реальности Ольга присела на компьютерный стул рядом с ним.

– Мне кажется, я сейчас сойду с ума, – тихо проговорила она.

– И немудрено, – кивнул Дима. Он не смотрел ей в глаза, а разглядывал свою комнату. – Мне очень жаль.

– Что происходит? Ты меня разыгрываешь?

– Нет, – Дима грустно улыбнулся, в его профиле проступило что-то незнакомое, но как только Ольга попыталась разглядеть – исчезло. – Мне будет нелегко с тобой проститься.

В её голове давно царил хаос. Ольга расплакалась.

– Ты не приходи больше, – сказал Дима, наконец-то посмотрев на неё. – В мой сон. Я знаю, что ты просто несчастная душа, которая бродит по этому городу. Так что лучше уйди.

Ольга послушно поднялась. У неё были вопросы. Миллион вопросов. Но ни одного из них она не задала, просто потому что потеряла чувство реальности.

Дима отвернулся и снова смотрел в окно.

– Забери меня к себе, – попросила она, рыдая.

– Не могу. Это ты меня оставляешь. Разве ты ещё не заметила, что ты исчезаешь? Просто я просыпаюсь.

Стены комнаты покрылись рябью, и как мираж развеялся тёплый уют. И свет, и книги, и диван, и тот юноша на плакате, и сам Дима – всё исчезло. Ольга была одна в пустом, продуваемом всеми ветрами помещении и смотрела на то место, где он сидел мгновение назад, а ныне был лишь пустой оконный проём.

Она выбежала на улицу, но рядом, как назло, не было ни души. Никто не сидел во дворе, не шёл из магазина с пакетом продуктов и не грел машину. И запропастились куда-то проклятые маленькие дети, которых она видела на площадке. Не помня себя от страха, Ольга побегала в сторону оживлённых улиц.

Вылетая из-за угла дома, она наткнулась на пожилого мужчину в очках и с седой бородкой. Но вместо извинений она схватила его за рукав и, почти крича, спросила:

– Вы меня видите?

Опешивший мужчина медлил с ответом и даже не пытался вырваться.

– Вы меня видите? Видите меня?! – не унималась Ольга.

– Да вижу, вижу... – просипел он, выдернув свою руку и назвав её на прощание идиоткой.

Она чуть-чуть постояла, подышала холодным воздухом, а потом побрела по городским улицам, не имея ни цели, ни направления, – и впрямь, просто несчастная душа.

Сама того не заметив, она вышла к центру города. Ярко горели фонари, освещая главные улицы, с их скверами и монументами, с величественными зданиями – архитектурным наследием минувших столетий. В выходной на улицах было оживлённо.

– Который час? – спросила Ольга у незнакомой женщины.

– Половина двенадцатого, – ответила та.

«Бал ещё даже не закончился», – подумала Ольга. Ей стало грустно, когда она вспомнила радостные лица одноклассников, – она-то почти и не повеселилась. И ещё хуже стало от мысли, что вот сейчас ей так плохо, и грустно, и одиноко, и она совершенно не понимает, что происходит вокруг, но это не делает абсолютно никакой погоды, и там всё равно продолжают веселиться. А единственный человек, с которым было весело ей, пропал.

Ольга шла долго, давно миновав оживлённый центр и дойдя до того района города, где бывала редко. Наконец события вечера стали казаться далёкими и нереальными, а холод становился всё более ощутимым. В голову пришла здравая мысль, что лучше отправиться домой, даром что отец всё равно её прибудет.

Но тут Ольга вдруг поняла, как далеко ушла от дома. Денег на проезд у неё не было, да и общественный транспорт уже не ходил. Выбора не было, и, развернувшись, она зашагала в обратном направлении: как-нибудь дойдёт пешком. И, может быть, проснувшись утром, обнаружит, что всё как-то само собой объяснилось и встало на свои места.

Высокие фонари освещали жёлтым светом улицу, по левой стороне которой возвышались дома с магазинами и офисами, закрытыми наглухо, а по правой тянулась каменная изгородь, скрывающая за собой кладбище с макушкой церкви поверх деревьев. Проезжали частые машины, люди проходили мимо парами или компаниями. Ольга быстро шла своей дорогой, по привычке ссутулившись и спрятав в карманы руки, с самым недружелюбным видом, чтобы никто не вообразил, будто она нуждается в компании.

...Порыв ветра разбросал по дорогам сухие листья, уже сметённые в кучи, загудел в водосточных трубах и зашумел в кронах деревьев. Чей-то смех присоединился к этому шуму, и чьи-то чуткие пальцы выплетали из лунного света, теней и голых ветвей кружевные арки. Невидимый человек прошуршал мимо лапами своего фрака, оставив после себя на земле лишь золотые сполохи, мгновенно исчезнувшие в тени. Он прошёл так близко, что Ольга могла бы почувствовать его дыхание, но она чувствовала лишь холод...

Бросив взгляд на разрисованную чёрной краской и покрытую объявлениями стену, Ольга сбавила шаг. Что-то показалось ей странным, что заставило присмотреться получше к очертаниям простого рисунка, изображающего небольшую, обведённую контуром фигуру в цилиндре. Фигура приподняла цилиндр и вежливо поклонилась. В этот момент Ольга перестала удивляться чему-либо вообще. Она просто наблюдала за тем, что происходило дальше.

А дальше фигура стала боком красться вдоль стены. Ольга оглянулась на прохожих, но никто и внимания не обратил на эти странности. Никто даже не смотрел в эту сторону. Фигура тем временем замерла в отдалении, потом поманила её рукой. Было в этом что-то жуткое. Бестелесный, плоский человечек зовёт её за собой туда, куда не проливается свет фонарей и не доходят случайные прохожие.

Надписи объявлений замигали. Ольга потрясла головой, сморгнула, но они продолжали мигать. Слова менялись, буквы переплавлялись и складывались в совершенно другие предложения. «Мы ищем талантливых актёров. Цена договорная», – гласили одни из них. Другие говорили: «Не упusti свой шанс прославиться!» Третьи изображали белые маски с чёрными каплями слез. И совершенно чётко на объявлении дешёвых ремонтов проступил Димин профиль с бабочками, срывающимися с его рук.

Человечек всё так же продолжал стоять и ждать её на углу. Ольга пошла вслед за ним, и везде, где они проходили, уличные граффити, расклеенные по стенам листовки и даже названия магазинов и кафе превращались в надписи, обращённые к ней. В конце улицы её провожатый повернул во двор, где не исчез благодаря фонарям, и остановился у лестницы, спускающейся в подвальное помещение, в котором, судя по всему, располагался то ли клуб, то ли бар. Горела красным вывеска: «Сцена». Человечек в цилиндре указал на спуск вниз, да так и замер.

Ольге не нравилось это место. Если это – увеселительное заведение, то где же тогда его шумные клиенты? Почему не звучит музыка и не доносятся пьяные выкрики? А здесь царил тишина. Но проснувшееся внезапно любопытство и безрассудное отчаяние заставили её спуститься по ступенькам и открыть тяжёлую металлическую дверь.

За дверью ступеньки узкой лестницы, выстланной зашарканным пыльным ковром, вели вниз, в небольшое полукруглое помещение, где при мягком, тёплом свете бра можно было разглядеть пышную, позолоченную обстановку с налётом старины. Звуки шагов из-за плотного узорчатого ковра звучали приглушённо.

На месте администратора за деревянной стойкой сидел странно одетый мужчина в цилиндре. Ольга могла поклясться, что однажды она его уже встречала, таким смутно знакомым показалось ей его лицо. Он что-то писал в большой тетради, скрипя пером и время от времени обмакивая его в чернильницу, а затем поднял на неё глаза и широко, но неестественно улыбнулся.

– Юная леди желает поучаствовать в нашем представлении? – с горящими глазами поинтересовался он, впиваясь взглядом в её лицо.

– Вы кто? – спросила Ольга, недоверчиво рассматривая незнакомца.

Как ни странно, ей не было страшно. Всё происходящее этим вечером так похоже было на сон, что Ольга в действительности начала думать, будто спит, а значит, ничего плохого с ней произойти не может.

– Я? – человек в цилиндре нашел её вопрос чрезвычайно смешным, а потому рассмеялся. – Юная леди меня совсем не помнит?

– Откуда мне Вас помнить, – недружелюбно заметила Ольга, а потом, вспомнив, что всё это ей только снится, добавила: – Знаете, Вы были бы симпатичней, если бы перестали улыбаться.

Человек улыбнулся ещё шире. Глаза его сделались безумными. Но он ничего не ответил.

«Прямиком из психбольницы», – подумала она, глядя, как тот заправляет перо за ухо и, подняв перевернутую вверх ногами тетрадь, начинает читать написанное. Кажется, он больше

и не обращал на неё внимания. Это Ольгу вполне устраивало. Как и то, что её не прогоняли. Она стала прохаживаться по маленькому холлу и рассматривать картины на стенах. На них были изображены актёры и гимнасты. Все в красивых нарядах, некоторые в масках с перьями, их тела были освещены разноцветными огнями, а на лицах написаны мука и радость.

– Юной леди нравятся мои артисты? – поинтересовался её новый знакомый, не выглядывая из-за своей тетради.

– Они очень красивые, – согласилась с ним Ольга. Особенно ей нравились девушки. С сильными, гибкими телами, в живописных костюмах. Она ненавидела свою тощую фигуру и болезненно бледную кожу за то, что так ей никогда не выглядеть. «Ни кожи ни рожи», – сказали ей однажды. И впрямь, ни того, ни другого.

Но если это сон, вдруг подумалось Ольге, почему бы ей не захотеть сделаться красивее? Она на миг закрыла глаза, представив, какой могла бы стать. Но ничего не произошло.

– Быть может, юная леди хочет чашечку чая? – над тетрадью показались любопытные горящие глаза под чёрными, красивыми бровями.

После долгой прогулки по холодному городу Ольга действительно хотела чаю. И лучше с сахаром. И вообще было бы замечательно, если с печеньем. Она кивнула.

Человек позвонил в маленький золотой колокольчик, стоявший рядом с ним на столе. Где-то забренчала посуда, и через мгновение пурпурный бархат штор сам собой разъехался в стороны, открывая нишу, где стояли на кофейном резном столике поднос с заварочным чайником, чашка с блюдцем, сахарница и даже корзинка с печеньем, покрытым шоколадной глазурью.

Ольга поспешила подойти и налить себе чаю и, даже не пытаясь скрыть голода, набросилась на угощение.

Отхлёбывая горячий чай вприкуску с печеньем, она мельком поглядывала на картину, висевшую поблизости, а потом, разглядев изображённого на ней человека, поперхнулась.

– Кто это? – спросила она у хозяина заведения.

Над тетрадью снова показались хитрые глаза.

– Юная леди интересуется нашим иллюзионистом?

– Это ведь Дима! – взволнованно сказала Ольга. – Его ведь так зовут?

Человек в цилиндре медленно опустил тетрадь на стол и осторожно спросил:

– А что за интерес до него у юной леди?

– Где он сейчас? Я могу его увидеть? – спросила Ольга, от волнения пропустив обращённый к ней вопрос.

– Безусловно.

Человек встал из-за стола и подскочил к Ольге с прытью, немало её испугавшей. Он остановился совсем близко, предлагая ей свою руку в чёрной атласной перчатке. На нём был какой-то помпезный костюм из красного атласа или шёлка, вроде бы и старинный, но уж слишком чудаковатый.

– Юная леди позволит проводить её?

– Куда? – недоверчиво поинтересовалась она.

– Чудеса сами к вам не выбегут, к ним нужно прийти.

– Это очень странный сон, – сказала Ольга, вкладывая свою руку в руку хозяина.

Человек был чем-то страшно доволен.

– Вы не представляете себе, насколько...

Он повёл её за собой через холл, за бархатные портьеры и дальше – по коридору, напомиравшему о гостиницах. Пройдя его, они повернули и оказались в ещё одном помещении, больше всего похожем на зал какого-нибудь клуба, где на тесной сцене выступают малоизвестные группы. Ольга бывала на подобных концертах.

Всё здесь выглядело старым и обшарпанным, начиная с протёртого паркетного пола, заканчивая стенами с облупившейся тёмной краской. Освещение было тусклым. За редкими столиками никто не сидел, и не было посетителей у барной стойки. Как и самого бармена. Зато несколько человек находились у сцены. Некоторые из них сидели на стульях, устало опустив плечи, другие снимали декорации. Все они были в костюмах и гриме, но выглядели при этом очень грустными. Не было ни шуток, ни разговоров. Всё делалось молча.

И тут Ольга обратила внимание на одного из них. Дима стоял к ней боком, укладывая странные предметы в большой чемодан. Весь в черном с серебром, в высоких кожаных сапогах, в плаще, ниспадающем до самого пола, и с забранными в хвост волосами. Он тоже был в гриме: лицо выбелено, брови, нос и губы очерчены, глаза подведены. Но даже так Ольга его узнавала.

Заметив их приближение, люди засуетились: они тревожно посматривали в их сторону, а делать всё стали в два раза быстрее. Ольга не понимала, она или её спутник заставляют их вести себя так странно. А потом их заметил Дима.

Он только успел ошарашенно посмотреть на Ольгу, сделать шаг вперед, но она уже бросилась его обнимать.

– Как ты сюда попала? – спросил Дима, пытаясь отнять её от себя.

– Я тебя нашла, – от счастья у Ольги слёзы навернулись на глаза.

Дима высвободился из её объятий. Он выглядел скорее мрачным, чем счастливым.

– Иди домой, – сказал он ей.

Ольга на мгновение опешила.

– Я никуда не пойду, – твёрдо заявила она. – Ты не сможешь меня прогнать.

– Ты хоть знаешь, что это за место?

– Нет, но мне оно кажется вполне милым.

– Иди домой, – повторил Дима раздражённо.

Ольга, недоумевая, глядела на него. Пока они разговаривали, хозяин заведения и артисты собрались вокруг, наблюдая за ними.

– Ты не хочешь, чтобы я с тобой осталась? – дрожащим голосом спросила Ольга.

Дима зло смотрел на неё, но внезапно его лицо разгладилось и посветлело. Он улыбнулся.

– Конечно, хочу, – он подошёл и взял Ольгу за руки. – Но для тебя будет лучше уйти домой.

– Ой, да перестань! – воскликнула она, не намереваясь слушать эту ерунду.

– Если мне будет позволено вмешаться, – заговорил хозяин, подойдя к ним ближе. – Я хотел бы заметить юной леди, что только мне решать, кому здесь оставаться. Но никак не Вам и не нашему молодому энтузиасту.

– А мне всё равно, – возразила Ольга, крепко сжимая Димины руки в своих, словно надеясь, что за них она сможет здесь удержаться. – Это мой сон. Домой я больше не вернусь.

Человек в цилиндре стал в раздумье расхаживать взад-вперед. Улыбаться он при этом не переставал. На полу за ним скользила тень, но делала она это странно, отставая от его движений на секунду-другую.

Дима весело ей улыбнулся и подмигнул. Ольга была рада, что хоть он изменил своё решение. Может быть, он убедит этого чудака, и она останется в этом странном, но, в общем-то, неплохом месте, и не придётся больше возвращаться домой.

– Юная леди могла бы остаться, – вдруг радостно возвестил хозяин. – Но если только у неё есть какие-нибудь таланты.

Радужные надежды, так внезапно вспыхнувшие внутри, мигом развеялись. Никаких талантов у неё и в помине не было. Она не пела, не танцевала, не рисовала, не была умницей или спортсменкой. Ольга сокрушённо покачала головой.

– Неужели ничего? – искренне расстроился хозяин. Даже улыбка на его лице подсулась.

– Но я могу здесь убираться... – неуверенно предложила она.

Человек в цилиндре рассмеялся над её словами. Ольга в отчаянье посмотрела на Диму, как на спасательный круг, но тот выглядел очень расстроенным и, кажется, ничего не мог придумать, хоть и видно было, что он пытается подобрать слова убеждения. Потом она бросила взгляд на людей, столпившихся позади Димы. Её внимание привлек высокий конопатый юноша, должно быть, её ровесник. Он смотрел на неё, но его взгляд при этом казался незрячим. Юноша что-то нашёптывал губами и качал головой из стороны в сторону. Глаза остальных были точно такими же.

– Это ясно как день! – внезапно воскликнул в затянувшейся тишине хозяин, заставив Ольгу вздрогнуть. – Юной леди нужен костюм, и тогда всё решится!

Хозяин щёлкнул пальцами. Все вокруг, кроме Димы, засуетились.

Ольга в недоумении наблюдала за происходящим. Кто-то прикатил ширму и зеркало, а конопатый юноша вытолкнул из-за барной стойки большой деревянный ларь. Остальные мгновенно отодвинули столы и стулья вокруг.

– Он твой хозяин? – шёпотом спросила Ольга у Димы, пока на них никто не обращал внимания.

– Вроде того, – неопределённо и без особого желания что-либо пояснить сказал тот.

– А что это было, когда я пришла к тебе сегодня? Что произошло?

– Я не мог тебе всё объяснить, так ведь?..

– Итак! – произнёс человек в цилиндре, хлопнув в ладоши и прервав их разговор. Он подошёл к раскрытому ларю и картинным жестом вытащил из него белый наряд. Его он протянул Ольге. – Юная леди должна это примерить.

Ольга, не имея ни малейшего понятия, зачем она это делает, но в надежде, что у неё все-таки появился шанс, взяла костюм и пошла за ширму.

Пока она переодевалась, вокруг царил гробовая тишина. Одежда, которую ей дали, представляла собой белое креповое платье, расшитое рельефным узором из белых нитей и сверкающих камней, с такими длинными рукавами, что пришлось присборить их на запястьях. Платье было ей до колен и приталено у груди. Кто-то перевесил через ширму белые гольфы. Их Ольга тоже надела.

– Юная леди желает предстать перед нами? – поинтересовались из-за ширмы.

Ольга представляла, насколько, должно быть, нелепо она сейчас выглядит, но смело вышла на всеобщее обозрение.

Человек в цилиндре восхищённо всплеснул руками. Остальная публика повела себя иначе. Некоторые отводили от неё свои остекленевшие глаза, другие, как и тот юноша, качали головой, а одна темноглазая девочка сложила руки на груди, как в молитве, и опустила голову, тряхнув золотыми кудрями. Дима же стоял к ней ближе всех.

– Ты очень красивая, – соврал он как всегда. Улыбка заиграла на его губах.

Ольга мотнула головой, до того ей было стыдно за свой нелепый вид.

Хозяин взял её за руку и подвел к зеркалу.

– Посмотри на себя.

С той стороны зеркальной поверхности на Ольгу смотрел незнакомый человек. Очень похожий на неё, но всё равно незнакомый. Её лицо, оставаясь прежним, при этом сделалось по-настоящему прекрасным. Глаза и брови будто подведены, губы алеют, и румянец на щеках. Изменилось и тело: Ольга приосанилась и держалась теперь совершенно иначе. Похоже, её желание исполнилось.

Дима тенью стоял позади неё. Она обратила к нему счастливое лицо.

– Полагаю, теперь юная леди вполне может сойти за кого-нибудь на этой сцене, – произнёс хозяин.

– Но я ведь по-прежнему ничего не умею.

– В этом нет проблемы. Здесь можно научиться всему.

Ольга облегчённо выдохнула.

– Но, – продолжил хозяин, – предупреждаю, что возможности вернуться туда, откуда пришла юная леди, уже не будет.

– Больно надо! – Ольга смело усмехнулась.

– Что ж, – хозяин деловито потёр руки. – Тогда мне нужна будет от юной леди одна мелочь. Так, пустяк.

– Что Вы хотите? – напрямую спросила Ольга. Она и не заметила, как зал стал пустеть. Молчаливые артисты один за другим покидали помещение, крадась вдоль стен или пятясь назад маленькими шажками.

– Сегодня мне говорят, что не хотят возвращаться обратно, а завтра так легко передумать.

– Что Вы хотите?

– Гарантию, что юная леди не вернётся привычной дорогой домой. У нас ведь здесь не приют для тех, кто хочет пересидеть худшие времена.

Ольга уверенно кивнула. Разве этим её можно напугать? Неважно, что здесь происходит и насколько всё реально. Важно, что обратно она не вернётся.

– Твои глаза.

– Что?

– Отдай мне свои глаза, и можешь остаться здесь на целую вечность.

– Вы с ума сошли? – крикнула она. Только сейчас Ольга заметила, что вокруг, кроме хозяина, Димы и конопатого юноши, прижавшегося к сцене и всё так же бормочущего что-то, никого нет.

Хозяин рассмеялся.

– Юная леди неправильно меня поняла. Прошу простить. Это моя ошибка. Юная леди наверняка уже заметила, что все происходящее с ней сегодня несколько выходит за рамки понимания. Глаза – это не более чем метафора к воспоминаниям о том, что должно быть забыто. А в данном случае это путь назад. К тому же взамен я дам юной леди другую пару глаз. Мои хрустальные глаза видят лучше, и мир предстанет перед ней более красочным.

– Если это всего лишь сон, то чего бояться? – обратился к ней Дима, произнеся вслух то, что вертелось у неё в голове.

– И впрямь, – Ольга пожала плечами. – Если это всё, с чем мне придётся расстаться, то забирайте. Мне не жалко.

– Храбрая юная леди, – произнёс хозяин, скалясь. – Может быть, тогда она сама и отдаст мне глаза?

Ольга, хоть и была в ужасе, решила, что бредовее стать уже не может. Она смело достала свой правый глаз. Боли не было. Она вообще ничего не чувствовала.

Держа его в руке и смотря вокруг левым, Ольга задала Диме внезапно пришедший ей на ум вопрос:

– А почему у тебя глаза обычные, а не такие, как у остальных, кто здесь есть?

– Потому что мне некуда возвращаться.

Ольга поняливо кивнула и вырвала свой левый глаз. Её накрыла темнота. А она протянула свои тёплые скользкие глаза вперёд на ладони. Рука в перчатке забрала их. Взамен в руку упали два тяжёлых холодных шарика. Ольга немедля вставила их на место.

Зрение вернулось. Смотреть новыми глазами было не хуже, чем старыми. Всё вокруг действительно сделалось красочнее, правда, и предметы и люди стали казаться не такими чёткими, но всё равно были узнаваемы. Первым Ольга увидела Диму. Он выглядел очень счастливым, как и она сама. Они обнялись.

Хозяин тоже улыбался. Ольге эта улыбка не понравилась. Так обычно улыбаются, когда сделали гадость.

– Теперь ты никогда не найдешь пути назад.

– Я знаю, – недружелюбно заметила Ольга, прижимаясь к Диме покрепче.

– «Я знаю», – передразнил человек в цилиндре и расхохотался.

Ольга посмотрела на Диму. Но и его улыбка отчего-то ей теперь не нравилась. Она стала такой же, как у безумного человека.

Дима выпустил её из объятий и пошёл к хозяину.

– Забавная вещь, – произнёс тот. – Я не представился юной леди.

Дима подошёл к нему вплотную, а затем шагнул навстречу, полностью слившись с его телом.

– Дмитрий. Всегда к Вашим услугам.

Ольга наблюдала, как прекрасные юношеские черты растворяются в очень похожем на них, но искажённом гримасой улыбки лице. Внутри у неё все замёрзло. Дмитрий, смеясь, покинул её, оставив наедине с бормочущим юношей.

Она стояла и глядела в зеркало на своё отражение. Там милая девушка в красивом платье смотрела на неё стеклянными глазами. Её лицо стало белым-белым, а скатившаяся по щеке слеза навсегда застыла чёрной каплей. Рукава платья распустились, свисая теперь ниже колен.

* * *

Выйдя на улицу, человек в цилиндре вдохнул свежий воздух. Это был не тот город, по которому шла к нему девчонка. Всё здесь было по-другому. Всё было, как он задумал.

Почти.

Чёрная фигура на крыше соседнего дома, пытавшаяся притвориться неподвижной и слиться с тенью, вдруг шелохнулась и дёрнула крылом. Мятежник. Он всегда был где-то рядом.

– Здесь всё будет по-моему! – крикнул он этой фигуре. Крылатая тень отвернулась от него. – Тебе лучше смириться!

Он знал, что Мятежник его не послушается. С порывом ветра фигура исчезла – будто пепел развеялся по ветру.

Глава 6. Тот, кто смотрит из темноты

В ночь после бала Арсений спал плохо.

Он пришёл домой около двенадцати, но когда лёг в постель, долго ворочался и уснул далеко за полночь. Сон его был беспокойным, он то и дело просыпался. Слишком громко отсчитывали секунды настенные часы, под окном несколько раз сработала сигнализация чьей-то машины, ко всему прочему мешала ветка тополя, от ветра бьющаяся в окно.

Только под утро он провалился в тревожный сон, наполненный живыми, яркими образами. Ему снились кружащиеся в танце пары, но вместо стен актового зала вокруг были своды пещеры, освещённые мерцающими огнями. Над танцующими возвышалась директриса в чёрном облачении и с короной на голове. Она пела Аниным голосом оперную арию. Арсений смотрел на происходящее снизу вверх, словно вокруг были одни великаны. Он очень хотел остаться незамеченным, но его присутствие обнаружили. Пение прекратилось. Все повернули к нему свои лица в масках. Вместо обычных костюмов и платьев на танцующих были нелепые одежды и головные уборы. Среди прочих он увидел Ольгу, она зло крикнула ему: «Не лезь не в своё дело!» И Арсений кинулся бежать.

Но бежал он уже по ночным городским улицам, непохожим на улицы его города. Светили фонари, а вокруг не было ни души. Сердце бешено билось, казалось, оно так рвётся, что скоро выскочит через горло. Все его четыре лапы мягко приземлялись и снова отталкивались от земли, но то, что настигало его в этой тишине, не отставало ни на шаг. Фонари потухли все разом, а накрывшая его темнота сделалась плотной и тяжёлой. Она душила его. Где-то совсем близко раздалось кошачье мяуканье, разбудившее Арсения.

Проснулся он запутавшимся с головой в одеяле – оно-то и мешало ему дышать.

На улице рассвело. С удивлением обнаружив, что мяуканье на самом деле ему не снилось, а доносилось из коридора, Арсений оделся и с любопытством высунулся в дверь.

– Ма-а-ам! – позвал он, когда прямо на пороге своей комнаты обнаружил рыжую молодую кошку. Та сидела под дверью, а когда он вышел, с интересом обнюхала его ноги. – Ты принесла в дом кошку?

– С добрым утром! – донеслось с кухни. – Нет. Она сама к нам в квартиру напросилась. Забежала из подъезда, когда я из магазина возвращалась... Как-то жалко стало её прогонять.

– Ты же говорила, что не хочешь заводить домашних животных. – Арсений присел на корточки и погладил кошку по спине. – Может, это кого-то из подъезда?

– Да я уже проверила по всем квартирам. Никто её не терял – с улицы пришла.

Он прошёл на кухню и уселся за стол. Мать поставила перед ним тарелку с кашей.

– Как, кстати, вчера потанцевали? – спросила она, присаживаясь за стол и снимая фартук.

– Отлично.

– Вот и славно.

Мать сложила на коленях кухонное полотенце вчетверо, старательно разглаживая его руками, словно готовясь к непростому разговору.

– На неделе к нам на ужин придут гости, – осторожно начала она.

– А кто придёт? – рассеянно спросил Арсений, обжигаясь горячей кашей.

– Владимир Сергеевич.

– Дядя Вова? Это тот, который твой двоюродный брат?

– Нет. Тот Владимир Алексеевич. Владимир Сергеевич – это человек, про которого я тебе рассказывала.

Арсений оторвал взгляд от тарелки, пристально посмотрел на мать, а потом пожал плечами:

– Ну, я могу уйти в гости к Игорю.

– Арсений, – терпеливым тоном произнесла она, – он потому и придёт сюда, что хочет познакомиться с тобой.

Арсений медленно опустил ложку на стол, а затем с вызовом посмотрел матери в глаза:

– А что, если я не хочу с ним знакомиться?

– Дорогой мой, сделай одолжение, не ершись. Я знаю, что тебе это нетрудно.

– Ну и пожалуйста, – проворчал Арсений, отвернувшись к окну и делая вид, что не замечает обращённого к нему взгляда. – Устраиваешь свою личную жизнь – устраивай, но можно меня в это не втягивать?..

– К сожалению, пока нельзя.

С минуту они помолчали.

– Налить тебе чаю?

– Нет, спасибо, я уже наелся. Пойду...

– Не глупи, – мать рассерженно прервала его ворчание. – Я налью.

* * *

Солнца стало мало – ноябрь стоял серый и холодный. Утром всё больше подмораживало, а ночи сделались по-зимнему морозными. Он и не заметил, когда именно это произошло, но, проснувшись однажды утром и выглянув в окно, он увидел, что деревья окончательно сбросили листву и теперь стояли тёмные и голые.

На осенних каникулах он подолгу гулял с Игорем и Марком, иногда они собирались у кого-нибудь из них дома. Один раз все вместе ходили в кино, куда их пригласил Саша, а того, в свою очередь, Юля. Марк позвал Катю и Лену, а Игорь – Аню. Разочарованию Юли не было границ, весь сеанс она сидела скрестив руки на груди, выглядя при этом крайне раздосадованной. Арсений лишь улыбался, поражаясь Сашиной недогадливости, и шутил с Аней, сидящей по соседству. О чём был фильм, через неделю никто и не помнил.

В выходные, рано утром, когда пасмурное небо только начало светлеть на востоке, почти весь класс собрался на привокзальной площади в условленном месте.

Каждый пришёл кто в чём: одежду выбирали потеплее и постарее, ту, которую не жалко запачкать или прокоптить у костра. У некоторых с собой были рюкзаки – еду договорились брать каждый на себя. Вова Лодочкин, известный в школе своими туристическими похождениями, успел допечь окружающих рассуждениями о том, как лучше разжечь костёр, ещё до того, как Арсений смог присоединиться к беседе. Гитара за его плечом красноречиво сообщала всем, что от его пения им сегодня не отвертеться. А пел Вова неважно, хоть и очень старался.

Поход планировался неофициально – самими учениками, поэтому никого из учителей с ними не было.

– Так, – подала голос Катя, утихомиривая гам, – электричка у нас уже через десять минут. Выдвигаемся на платформу.

– Ещё Ольга не пришла, – заметил Арсений.

– И что? – удивилась Юля. – Белоусов вон тоже не пришёл. Можем и его подождать.

Она захихикала, а вместе с ней ещё несколько человек.

– Договаривались собраться ровно в восемь, – сказала Катя. – Уже пятнадцать минут девятого. Дольше ждать смысла нет.

Поездка на электричке заняла около часа. Они вышли на станции у небольшого посёлка и, пройдя сквозь него, углубились в лес. Дорогу до скал знал только Вова, а потому его частые раздумья и остановки через каждые сто метров настораживали одноклассников. Правда, тропа была отчётливо видна и хорошо утоптана – место было излюбленное туристами, – так что потеряться никто не боялся. Они шли шумно и весело через утренний, окутанный туманом лес; со всех сторон раздавались выкрики и шутки, тишина взрывалась хохотом.

Через некоторое время, когда монотонность пути поубавила веселье, начали доноситься жалобы недовольных.

– А мы уже скоро придём? – умирающим голосом поинтересовалась Юля откуда-то сзади.

– Мы идём-то всего полчаса.

– А говорили, что тут идти минут пятнадцать.

– А зачем куда-то тащиться? Разжечь костёр и посидеть на природе можно было и около той деревни, – поддержала подругу Вероника Орлова.

– Там скалы. Место красивое... – начал Вова.

– Скалы! Что я, скал в своей жизни не видела? – простонала всё тем же несчастным голосом Юля.

– Ты можешь остаться разводить костёр прямо здесь. А мы пойдем дальше, – не оборачиваясь, бросил ей Игорь.

Обиженная Юля пыхтеть не перестала, правда, остаться в лесу не решилась.

– Саша, – жалобно простонала она, – помоги мне идти.

Саша, шедший рядом с Арсением, лишь раздражённо поморщился.

– Правда, Юля, кончай ныть, – сказал он ей.

Дойдя до скал, Арсений вместе с остальными обнаружил, что они здесь даже не вторые и не третьи. Народу было много. У подножия кто-то даже разбил палатки.

Пока одноклассники сбрасывали с себя поклажу или, присев на камни, жаловались на усталость и стирали пот со лба, Вова нашёл место для костра и организовал поиск дров для его разведения, а точнее сказать, организацией занялась Катя, которая приказным тоном озвучивала всё, что говорил Вова. Самые умудрённые, пооставляв рюкзаки, успели разбрестись по лесу, чтобы не быть задействованными в работах.

Арсению было совестно за то, что они сбежали, зато Игорь ничуть не терзался. Копируя нравоучительный тон друга, он заявил, что, прежде чем заниматься костром, нужно насладиться пейзажами.

Втроем они обогнули скалы и нашли там безлюдное место. Вскарабкавшись наверх настолько высоко, насколько это было возможно без особых навыков и специального снаряжения, друзья уселись на одном из выступов.

Арсений осмотрелся с высоты. Вокруг были лишь сосны, как частокол, окружившие скалы, подстилка из высохшей потемневшей листвы и круглые валуны, проклюнувшиеся из-под земли то тут, то там. Дышалось легко – воздух был свежим и чистым.

Марк что-то болтал о предстоящей игре по баскетболу, просчитывая шансы их команды на победу. Игорь мечтательно строил планы на будущее, возлагая большие надежды на студенческую жизнь. Он предложил всем поступить в один институт. Марк его горячо поддерживал. Вдвоём они сошлись на том, что поступят туда, куда и Арсений, потому что он не даст им вылететь на первом же курсе. Арсений был возмущён; он тут же заявил, что не собирается тащить их на своём горбу ещё целых пять лет, но в душе был рад, что не придётся расставаться после школы. Лишь бы они вступительные экзамены не провалили.

Вскоре со стороны их стоянки до слуха донеслось брнчание гитары: значит, костёр уже был разведён, раз уж Вова расчехлил свою старую подругу, всю в наклейках и с потёртыми струнами.

– Пойдёмте уже, – сказал Марк, – есть хочется.

– Спорим, у тебя в рюкзаке есть что-то покруче простых бутербродов, – съехидничал Игорь.

– Всего-то курица с картошкой.

– А как же первое и компот?

Молочные щёки Марка налились румянцем. Он смущённо улыбнулся.

Спустившись со скал, они направились к стоянке.

- Можно мне сегодня у тебя переночевать? – спросил Игорь у Арсения, пока они шли.
- Давай. А в чём дело?
- Олег и Егор сегодня приехали. Опять начнутся разговоры об их успешной жизни.
- А что в этом плохого? – удивился Марк.
- Игорь просто завидует, – пошутил Арсений.
- Ничего я не завидую, – раздражённо возразил тот. – Разве только тому, что они-то уже от родителей свалили.
- А чего тогда заводишься?
- Когда они приезжают, мать как с ума сходит. Постоянно мне тычет, что нужно брать с них пример. И они тоже не помогают, рассказывая про свои успехи...
- Вот уж подлецы! – рассмеялся Марк.
- Да вообще не смешно.
- А чего ты переживаешь? Закончишь институт, и Олег наверняка тебя к себе подтянет, как Егора, – заметил Арсений.
- Нужны мне они.
- Я же говорил, что завидуешь.

Придя на место, они обнаружили, что их класс как-то невероятно разросся. Вокруг костра вперемешку с одноклассниками сидели незнакомые парни и девушки. Все присутствующие внимали самозабвенно играющему на Вовиной гитаре, но Вовой совершенно не являющемуся парню в ярко-красной бандане и с проколотым ухом. Хмурый Вова сидел рядом.

Как выяснилось позже, к ним присоединилась группа студентов, которых на свою голову Вова привлёк наличием у него гитары. Хотя все остальные были только рады такой компании...

В город вернулись ещё засветло и от вокзала разъехались по домам. Игорь отправился сначала к себе, но обещался прийти позже. Арсения же дома ожидал сюрприз: на кухне он увидел Аню в компании своей матери.

– Привет, – пробормотала она в кружку с чаем и отчаянно покраснела, смущённая, очевидно, своим непрошеным появлением.

– Арсений, я наконец-то познакомилась с этой замечательной девушкой, – проговорила с загадочной улыбкой мать, составляя вымытую посуду в шкаф. – А ведь ты ни разу не упомянул, что целый месяц помогал ей с английским.

– Ммм... – невнятно отозвался Арсений, и в этот момент где-то в глубине у него зародилось подозрение, что теперь и его мать введена в заблуждение о наличии у него девушки.

Он остался стоять в дверном проёме, не зная, что делать. Болтать с Аней при матери ему совсем не хотелось, а у Ани, судя по всему, был к нему разговор.

– Ммм... – так же неопределенно начал он. – Мы, наверное, пойдём ко мне...

– Да-да, конечно, идите поболтайте. Дорогая, если хочешь, можешь чай взять с собой, – ласково сказала она Ане, которая уже собиралась отставить кружку.

– ...Ну и? – Арсений с любопытством обратил взгляд к Ане, как только прикрыл за собой дверь своей комнаты. – Что ты здесь делаешь?

На улице уже смеркалось, и в комнате царил полумрак. Аня прошла к подоконнику, посмотрела в окно, а затем обернулась к нему. Выглядела она крайне обеспокоенной, но ещё и решительной.

– Я даже не знаю, как сказать... Как объяснить это всё. Но я просто не представляю, к кому еще обратиться.

– А что, с тобой что-то случилось? Дело в Инне?

Арсений испытывал противоречивые чувства: с одной стороны, он был заинтригован, с другой – это Анино явление было уже чересчур. Дело должно быть и впрямь серьёзным, а то он решит, что она на него запала.

– Да нет, – отмахнулась Аня, сведя над переносицей тонкие светлые брови – так она казалась старше. – Это тут ни при чём. Дело в Нине.

– А с ней-то что?

Арсений проявил любопытство, оторвавшись наконец-то от стены и пройдясь до письменного стола.

– Я думаю, она связалась с плохим человеком. – Он остановился, раздумывая, присесть ли или остаться стоять.

– Что значит плохим?

– Ну... – Аня замаялась и окинула взглядом комнату, словно надеясь найти поблизости нужные слова. – Мне кажется, он во что-то её заманивает.

– Тебе кажется... – хотел было уточнить Арсений.

– Я точно знаю, с ним что-то неладно, – Аня повернулась к нему и с жаром заговорила: – Он очень странный... Я вообще случайно узнала, что они встречаются. А родители так и вовсе не в курсе, ни разу его не видели... А ещё Нина взяла с меня обещание им не рассказывать.

Аня беспомощно посмотрела на него. А у Арсения после этих её слов внутри вдруг заворочалась что-то неприятное, жгучее. Даже не ревность, ведь не так уж ему Нина и понравилась. Но что-то больно кольнуло его самолюбие. Выходит, нашёлся просто кто-то получше.

– Я не думаю, что у меня есть желание влезать в личную жизнь твоей сестры... – уклончиво начал он.

– Да выкинь ты из головы ваше неудавшееся свидание!

Он не подал виду, как удивлен Аниной пронизательностью, и уж точно он не хотел, чтобы она поняла, насколько права.

– При чем тут это? – возмутился он. – Если волнуешься, скажи родителям. Вот и все дела.

– Но я же ей обещала...

– А от меня-то ты чего хочешь?!

Аня больно стукнула его маленьким острым кулаком по плечу.

– Ты чего? – опешил Арсений.

Аня струхнула.

– Извини.

Затянулась пауза.

– Хорошо, – после минутного размышления произнес он. – Что ты о нём знаешь? Кто он?

– В том-то и дело, что ничего. И, похоже, Нина сама ничего о нём не знает.

– Как зовут?

– Виктор.

– Ну, а фамилия? Где живёт? Где учится?

– Ничего, – расстроено покачала головой Аня.

– Какой-то бред. Как можно с кем-то встречаться, если ничего о нём не знаешь.

– Выходит, можно. Мне кажется, ей вообще крышу снесло. Всё строила из себя взрослую, – зло проговорила Аня, присев на подоконник. – А чуть что, готова за первым встречным на край света бежать.

– А ты говорила с ней?

– А то как же! Она сказала, чтоб я заткнулась и не лезла не в своё дело.

Арсений прошёлся по комнате, пытаясь придумать, что можно сделать, а нервничающая Аня смотрела на него и крутила в руках кружку. И, казалось бы, зачем ему эти проблемы, если бы только не его любопытство и желание знать больше...

– Одних подозрений, действительно, мало, – проговорил он. – Может, мне за ним проследить как-нибудь? Ну, а если что-то серьёзное откроется, придётся тебе нарушить обещание и всё рассказать родителям.

– Да, наверное. Только... – Аня запнулась. – Только будь, пожалуйста, осторожнее.

– А что со мной может случиться? – удивился Арсений. – Ну, кроме того, что я могу оказаться в глупой ситуации.

– Мне кажется, он опасен.

– Да ладно тебе, – легкомысленно отмахнулся он. – Ты придумываешь. Ты сама-то хоть раз его видела?

– Только однажды. И всё равно, – упрямо проговорила Аня.

– Хорошо, я обещаю, что буду предельно осторожен, – со вздохом произнёс Арсений, закатив глаза. – Где они обычно встречаются?

– Не знаю. Всегда по-разному. Давай я, как узнаю об этом, позвоню тебе и скажу, где их можно найти?

– Идёт.

Аня задержалась еще ненадолго, рассказывая, как проводит свои каникулы. Арсений же рассказал ей про поход. Он пытался сделать разговор непринуждённым и весёлым, но даже его шуточный тон не поднял Ане настроения.

Тем временем по дому поплыл восхитительный запах курицы, запекаемой с чесноком и картошкой.

– Вот чёрт, – простонал Арсений, вспомнив, что сегодня к ним на ужин придёт некто Владимир Сергеевич, которого, как он надеялся, ему никогда не доведётся звать «дядей Вовой» или как-то ещё.

– Что?

– Меня ожидает неловкий вечер в компании мамы и её знакомого.

– Переживёшь, я думаю, – улыбнулась Аня.

– В понедельник в школе узнаешь, пережил или нет.

– Ладно, мне идти пора. Спасибо за помощь. Даже не знаю, как тебя отблагодарить...

– Пока не благодари, – возразил он. – А если что, будешь до конца моей учёбы за меня домашку делать.

Аня отчего-то стала ещё грустней, чем была.

– Я же пошутил! Ну, ты чего?

– Да нет, я поняла. Всё нормально, я просто устала, наверное. Я пойду...

* * *

Позже вечером к ним пришёл гость. Арсений хмуро приветствовал его, не выходя из своей комнаты, пока мать хлопотала на кухне. Накрыв на стол, она всё-таки заставила его выйти знакомиться.

Рассматривая за обеденным столом крупного мужчину, широкого в плечах, но с имеющимся уже солидным животом и лысиной в обрамлении седеющих волос, Арсений не испытывал ни грамма симпатии. Владимир Сергеевич заискивающе расспрашивал его о школе и увлечениях, отпускал несмешные шутки и заводил скучные разговоры о работе – в общем, делал всё, чтобы вызвать у Арсения стойкую неприязнь. Мать, как могла, весь ужин сглаживала углы и была неестественно весела. Арсений вежливо вытерпел это двухчасовое испытание и возблагодарил небеса, когда раздавшийся дверной звонок напомнил ему о том, что Игорь сегодня ночует у него.

В последний день перед учёбой, который выдался ужасно ненастным – с холодным, хлёстким дождём и градом, – он никуда не пошёл. Сидя в своей комнате с кошкой на коленях, которая то и дело выпускала во сне когти, он листал уже прочитанную им трижды книгу о смуглом хитром пирате, что не раз насолил своим врагам.

...Ночью ему приснилось, что он встретил на улице Ольгу. Но она его не узнала и прошла мимо, а он, хоть и очень старался, не мог её догнать даже со всех своих четырёх лап...

С окончанием каникул всё завертелось по-старому.

После короткого отдыха школьные занятия казались утомительнее прежнего. На многих предметах им не уставали напоминать о предстоящих экзаменах, учителя как с цепи сорвались.

Но это были пустяки по сравнению с тем, что пропала Ольга.

Арсений заметил, как спустя два дня после начала занятий в школу приходила Ольгина мать, невзрачная женщина с тусклой кожей и несчастными глазами, и разговаривала с Нелли Михайловной. После чего классная руководительница устроила им внеочередное собрание, на котором объявила, что, по всей видимости, Ольга сбежала из дома и что если кто-либо обладает информацией по поводу того, где она может находиться, пусть немедленно сообщит ей.

От этой новости у Арсения на душе заскребли кошки. Ведь он же всё замечал. Вероятно, Ольге нужна была помощь. А теперь – где её искать? И что с ней произошло? Но страшнее всего становилось не от этих мыслей, а от того, что он чувствовал на самом деле...

А на самом деле ему было всё равно, и совершенно неважно, что случилось с Ольгой. Ведь внезапно стало ясно, что все его попытки поговорить были лишь притворством, за которым он пытался скрыть своё безразличие. Вот она была, и вот её нет. Но ничего не изменилось. Всё идет своим чередом. И, смотря на пустое место за своей партой, Арсений не испытывал ровным счётом ничего. Он представлял Ольгу, сидящую рядом, затем заглядывал в себя, но обнаруживал там лишь полное отсутствие чувств...

С того странного разговора с Аней прошла целая неделя, но она больше не поднимала эту тему, хотя виделись они каждый день: Арсений все так же исправно заходил за ней по утрам – скорее уже по привычке.

Однажды вечером он возвращался домой с тренировки, уставший, с дрожащими ногами, но невероятно довольный собой.

Идя из школы уже привычным маршрутом через Анин двор, Арсений увидел подходящих к дому Нину и высокого человека в чёрном пальто до колен и с поднятым воротником, лицо которого невозможно было рассмотреть из-за опустившихся сумерек.

Они шли друг от друга на расстоянии метра, ничем не выдавая даже намёка на дружбу, и могло показаться, что незнакомец преследует Нину, но по каким-то скрытым, необъяснимым признакам Арсений увидел то, что было не на поверхности, но абсолютно явно: Нина и этот незнакомец двигались синхронно, оба чёрные и мрачные, словно члены тайного братства, что отличают друг друга в толпе без слов, по одному лишь взгляду – настолько они показались ему похожими.

Они зашли в дом, а Арсений после краткого раздумья присел на скамейку у соседнего подъезда и расположился так, чтобы видеть, что происходит рядом, но самому не быть замеченным.

Потянулись минуты ожидания, и в процессе замерзания ему стал открываться весь идиотизм ситуации. Ну и что будет, если ему удастся проследить за ним? Этот Виктор дойдёт до какого-нибудь дома, поднимется к себе в квартиру – ведь должен же он где-то жить, – и что это даст? Только адрес.

С другой стороны, рассудил Арсений – и это лишним не будет. Потом он вдруг развеселился, почувствовав себя как в каком-нибудь детективе. Его одинаково забавляла и беспокоила необходимость слежки.

Нина и Виктор, очевидно, прощались в подъезде без помощи слов, иначе это заняло бы у них куда меньше времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.